

**ПЕРЕЧЕНЬ ПОСЛѢДНИХЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ
ВЪ ДАГЕСТАНѢ.
(1843 годъ).**

(Статья третья).

СЕНТЯБРЬ 1843 ГОДА.

Опасность преимущественно угрожаетъ Аваріи.—Доступы туда со стороны непріятеля; наши средства къ защитѣ края; распредѣленіе войскъ Сѣвернаго Дагестана и недостаточность ихъ. — Неопредѣлительность отношенія покорнаго намъ населенія есть одна изъ причинъ неудачъ.—Ахметъ-ханъ, Нохъ-Бике, Абу-Муселимъ-ханъ, Магомедъ-кадій, Асланъ-кадій, Абдурахманъ-бекъ, Агаларъ и Юсуфъ-бекъ. — Генералъ-маіоръ Клюки-фонъ-Клугенау; князь Орбеліанъ, подполковники Евдокимовъ и Пассекъ.—Сборъ непріятеля въ августъ мѣсяцъ.—Хаджи-Муратъ и Кибитъ-Магома. —Обложеніе Унцукуля; Кибитъ-Хаджію; занятіе Шамилемъ нижней части селенія. — Гибель отряда подполковника Веселицкаго.—Гассанъ-Хаджію.—Паденіе Унцукуля.—Прибытіе генерала Клугенау къ Цатаниху и невозможность спасти унцукульскій гарнизонъ. — Своевольное отступленіе маіора Коссовича отъ Харачей; движеніе туда маіора Зайцева и бой въ селеніи. — Сосредоточеніе нашихъ силъ въ Аварской долинѣ.—Паденіе Балакановъ, Моксоха и Цатаниха.—Измѣна аварскихъ селеній; сосредоточеніе непріятельскихъ скопищъ въ Аварской долинѣ; взятіе Ахальчинскаго укрѣпленія и паденіе Гоцатля.—Отчаянное положеніе генерала Клугенау въ Хунзахъ; Шамилю передается вся Аварія и большая часть Койсубу. — Общія замѣчанія на двухъ-недѣльных дѣйствіи въ Аваріи.

Въ предъидущихъ главахъ мы видѣли, до какой степени положеніе наше въ Дагестанѣ сдѣлалось непрочнымъ. Ничтожныя силы, которыми полагалось удерживать край отъ возстанія, были

Т. VI. Отд. II. 1

разбросаны на огромномъ пространствѣ, посреди мѣстности, недоступной въ полномъ значеніи слова, безъ дорогъ и, можно сказать, почти безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Въ такихъ обстоятельствахъ, весьма немногаго требовалось, чтобы опрокинуть нашу систему, въ которой все было подвержено случайности: и позиціи войскъ, и способы ихъ продовольствованія, и самая преданность покорнаго намъ населенія. Неудача на одномъ пунктѣ разрывала всю обширную сѣть паутины: измѣна жителей отнимала у нашихъ войскъ базу, а съ ней и тѣ скудныя средства, которыя они имѣли въ своемъ распоряженіи. Болѣе всего надо было опасаться частныхъ неудачъ; общей не могло быть, потому что и въ краѣ ничего не было общаго.

Мы видѣли также, что непріятель, при всякомъ удобномъ случаѣ, отлично пользовался нашими ошибками. Легкость покоренія Койсубу и части Аваріи въ 1841 году, готовность жителей измѣнить намъ при первомъ появленіи мюридовъ, зародили у Шамиля мысль окончательно отторгнуть эти земли. Все ему ручалось за успѣхъ. Безпрерывныя дѣла съ Русскими образовали изъ горцевъ отличныхъ воиновъ и научили ихъ пользоваться выгодами своей неприступной мѣстности, весьма разчетливо избѣгая встрѣчи въ полѣ и стараясь атаковать насъ въ мѣстахъ закрытыхъ и пересѣченныхъ, гдѣ русскій солдатъ, по характеру своего вооруженія, не могъ дѣйствовать съ успѣхомъ. Неудачи, испытанныя нами въ 1841 и 1842 годахъ, показали все преимущество подобной тактики.

Конфигурація покорныхъ намъ обществъ, прилегающихъ на всемъ протяженіи къ непріятельскимъ землямъ, отдаленность нѣкоторыхъ изъ нихъ и трудность сообщенія съ главнымъ мѣстопробываніемъ резервовъ,—все это облегчало дѣйствія непріятели. Болѣе всего мы должны были опасаться за Аварію, которая владѣлась во владѣнія непріятели какъ бы отдѣльнымъ бастиономъ. Если бы мы изыскали средства держать тамъ постоянно значительныя силы, всѣ выгоды неминуемо перешли бы на нашу сторону. Дѣйствія непріятели были бы сжаты, владѣнія его разрознены и куда бы онъ не направился, изъ Аваріи легко было бы выйти ему въ тылъ. Въ противномъ случаѣ, расположеніе тамъ гарнизоновъ вело бы только къ собственному ихъ ослабленію, оставляя ихъ на жертву климата и непріятели, безъ всякихъ удобствъ къ жизни. Аварія такъ бѣдна, что горцы рѣшительно не могли понять причинъ, побуждающихъ насъ, богатыхъ, силь-

ныхъ, имѣющихъ превосходныя земли, домогаться обладанія ихъ голыми скалами. Въ простотѣ души, они приписывали это сумашествію, насланному на насъ Богомъ за грѣхи наши.

Изъ первой главы мы знаемъ, что въ Аварію можно было проникнуть только двумя путями чрезъ Бурундукъ-кале и Гергебиль, а въ Койсубу однимъ — чрезъ Каранай. Мы старались по возможности изобразить ихъ трудность, но сознаемъ, что описаніе наше — только тѣнь дѣйствительности. Непріятель имѣлъ гораздо больше доступовъ туда, правда, доступовъ тоже трудныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не представляющихъ ему тѣхъ неудобствъ, которыя мы испытывали по характеру нашего вооруженія и по огромному, сравнительно съ нимъ, количеству потребностей войскъ.

Главнѣйшіе доступы непріятели въ Аварію и Койсубу пролегали съ сѣвера и сѣверо-запада.

На правомъ берегу Андійской Койсу, посреди недоступной мѣстности, въ числѣ отложившихся въ 1840 году койсубулинскихъ селеній, были два главнѣйшія: Игали и Тлохъ, отдѣленные отъ покорныхъ намъ мѣстъ крутымъ скалистымъ обрывомъ, гдѣ природа позволила проложить только небольшое число дорогъ. Эти дороги, или, скорѣе, тропинки, раздѣляются на двѣ главныя системы: одна изъ нихъ ведетъ въ Койсубулинское общество, другая—въ Хунзахскую долину, главную и многолюдную часть Аварскаго ханства.

Дорога отъ Игали въ Койсубу пролегаетъ внизъ по Андійской Койсу до Чирката; отсюда она подымается ущельемъ небольшой рѣчки Бетлинки, огибаетъ Бетлинскую гору и развѣтвляется: западная вѣтвь ея, чрезъ скалистый хребетъ, переходитъ къ Цатаниху; восточная, по крутымъ обрывамъ и утесамъ, достигаетъ Унцукульскихъ садовъ. Отъ Унцукуля въ гору, нерѣдко по лѣстницамъ, изсѣченнымъ въ скалахъ, идетъ на селеніе Харачи, всходитъ на возвышенную террасу и чрезъ Моксохъ спускается въ Балаканы.

Другой доступъ (дальнѣйшій) въ Койсубулинское общество идетъ отъ Чирката чрезъ Ашильтинскій мостъ, разрушенный нами, правымъ берегомъ Аварской Койсу на Гимры. Въ Гимрахъ дорога развѣтвляется: одна вѣтвь, чрезъ Койсубулинскій хребетъ, выходитъ на плоскость, другая слѣдуетъ вверхъ по теченію Койсу, переходитъ напротивъ Унцукуля Гимринскій мостъ и лѣ-

вымъ берегомъ рѣки достигаетъ Ирганая и Зырянъ. Она удобнѣе первой.

Кратчайшая дорога отъ Игали чрезъ Иштибури къ Цатаниху,—та самая, по которой слѣдовалъ отрядъ генералъ-адъютанта Граббе въ 1848 году,—пролегаетъ сначала ущельемъ и потомъ взбирается на высокій скалистый хребетъ, съ вершины котораго открывается селеніе, раскинутое въ глубокой каменистой пропасти. Дорога эта крайне неудобна; но для непріятеля представляетъ ту выгоду, что онъ, скрытно сосредоточивъ скопище въ Игали, можетъ нечаянно броситься на селенія Коло, Иштибури и Цатанихъ и овладѣть ими прежде, нежели мы будемъ въ состояніи подать туда какую нибудь помощь. Отъ Цатаниха открываются пути къ Унцукулю и чрезъ Моксохъ въ Балаканское ущелье.

Вышеописанные доступы въ Койсубу прикрывались съ одной стороны Цатанихскимъ укрѣпленіемъ, съ другой многолюдными селеніями Гимрами и Унцукулемъ. Въ случаѣ измѣны или паденія послѣдняго, для непріятеля открывался свободный доступъ въ Балаканское ущелье.

Въ Аварскую долину можно было проникнуть тремя путями: 1) отъ Тлоха на Сіухъ, 2) отъ Тлоха чрезъ Цельмесъ и Ахальчи и 3) изъ Караты чрезъ Тала-корійскій хребетъ на Гозолоколо.

На первомъ пути, непріятелю предстояло подняться въ гору по узкой и удобной для защиты тропинкѣ и овладѣть многолюднымъ и крѣпкимъ по мѣстности Сіухомъ. Второй путь чрезъ Цельмесъ и Ахальчи, самый удобнѣйшій для вторженія въ Аварію, и поэтому на немъ было предположено устроить укрѣпленіе при Ахальчи. Третій путь, изъ Караты, исправленный генераломъ Фезе въ 1837 году, все таки оставался крайне затруднительнымъ, а въ зимнее время покрывался глубокими снѣгами и могъ служить тогда для прохода только мелкихъ хищническихъ партій.

Между Игали и Тлохомъ, отъ Андійской Койсу, ведутъ нѣсколько тропинокъ въ Аварскую долину, однаково неприступныхъ съ нашей и непріятельской стороны. Онѣ минуяютъ селенія Верхній, Средній и Нижній Харадеряки, Ороту, Коло, Мочохъ, Хараки, Чартули и другія и въ зимнее время рѣшительно непроходимы.

Слѣдовательно, главнѣйшими пунктами, обезпечивающими Аварскую долину съ сѣверо-запада, были Цолкита, Сіухъ и

Ахальчи. Въ случаѣ измѣны этихъ селеній, самое пребываніе наше въ Хунзахѣ было не совсѣмъ надежно, такъ какъ сообщеніе съ Балаканами подвергалось дѣйствию непріятеля съ фланга.

Съ южной и юговосточной стороны, въ Аварскую долину можно проникнуть двумя путями: 1) отъ Голотля къ Хунзаху; здѣсь встрѣчается весьма неудобный и продолжительный подъемъ, и потому переваль въ долину Тоботы, непосредственно запираемый Хунзахскимъ укрѣпленіемъ; и 2) отъ Карадахскаго моста чрезъ Гопатлинскія высоты и Кахское ущелье, удобный и наиболѣе важный путь съ этой стороны. Для защиты его, существовала башня на Гопатлинскихъ высотахъ.

Итакъ Аварія могла ожидать нападеній съ трехъ сторонъ: съ сѣвера—главныхъ силъ Шамиля; съ сѣверо-запада отъ Цельмесса—Хаджи-Мурата, назначеннаго набомъ отложившихся аварскихъ селеній; съ юга—Кибить-Магомы. Въ одни сутки они могли сосредоточить тамъ на любомъ пунктѣ до 8,000; тогда какъ наши резервы отъ Темиръ-Ханъ-Шуры могли прибыть туда не ранѣе двухъ дней. Поэтому, чтобъ придать Аварской долинѣ болѣе самостоятельную оборону, на случай нежданнаго появленія непріятеля, съ конца 1841 г. стали постоянно располагать тамъ подвижной резервъ. Въ концѣ августа 1843 года, онъ состоялъ изъ 7, 8 и 9-ой мушкатерскихъ ротъ Апшеронскаго полка, при 2-хъ горныхъ единорогахъ. Эти роты не были въ совокупности, но размѣщались въ селеніяхъ Хунзахѣ, Ободѣ и Гозолоколо, по ротно въ каждомъ.

Въ случаѣ занятія Аваріи и Койсубу, непріятелю открывались отовсюду доступы въ шамхальство, Мехтулинское ханство и нынѣшній Даргинскій округъ, которые на всемъ протяженіи прилегали къ ихъ границамъ. Какъ удержаніе Аваріи въ нашихъ рукахъ совершенно прикрывало эти земли, сдѣлавшіяся такимъ образомъ внутренними, такъ потеря ея дѣлала изъ послѣднихъ легкую добычу непріятеля. Вотъ еще почему мы такъ дорожили Аварією и всѣ средства свои напрягали къ защитѣ ея. Но малочисленность войскъ сѣвернаго Дагестана и слабый комплектъ ихъ не позволяли исполнить это такъ, какъ требовали обстоятельства. Въ 1843 году командующій войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только 11 баталіоновъ, а именно: пять Апшеронскаго полка, 1 кабардинскаго, 3 Тифлисскаго, 3 Мингрельскаго полковъ и Грузинскіе линейные №№ 12, 13 и 14, при 16 легкихъ орудіяхъ, 10 горныхъ

единорогахъ и трехъ сотняхъ козаковъ. Сверхъ того, для усиленія конницы, ему отпускалась постоянно сумма на содержаніе двухъ сотенъ всадниковъ изъ туземцевъ и, кромѣ того, онъ имѣлъ право собирать, по мѣрѣ надобности, пѣшую и конную милиціи.

Изъ приложенной въ концѣ главы подробной дизлокаціи войскъ видно, какимъ образомъ были распредѣлены эти силы по укрѣпленіямъ сѣвернаго Дагестана; за тѣмъ общій резервъ края состоялъ изъ 20 ротъ, 100 человекъ саперъ, 4 легкихъ орудій и 8 горныхъ единороговъ, включая сюда три роты, составляющія подвижной резервъ Аварской долины. Съ этими силами командующій войсками обязанъ былъ подавать помощь угрожаемымъ пунктамъ отъ Казіюрта до Гергебиля, отъ Каспійскаго моря до Хунзаха. Но и этотъ резервъ не находился въ совокупности, а былъ распредѣленъ въ различныхъ пунктахъ по работамъ, какъ видно изъ слѣдующаго росписанія:

Четыре роты Апшеронскаго полка, при двухъ легкихъ и четырехъ горныхъ единорогахъ, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, на работахъ по устройству штабъ-квартиры.

Одна рота Апшеронскаго полка въ Агачъ-кале для заготовленія лѣсныхъ матеріаловъ.

Три роты Апшеронскаго полка и команда саперъ (80 человекъ) на разработкѣ новой дороги между Темиръ-Ханъ-Шурою и Бурундукъ-кале (Военно-Дагестанской).

Одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка у упраздненной крѣпости Бурной, для ломки находящихся тамъ зданій. Добытые тамъ матеріалы предназначались для возведенія оборонительнаго магазина на мѣстѣ лагеря Петра Великаго, гдѣ нынѣ кр. Петровская.

Третья карабинерная рота Мингрельскаго полка, при двухъ горныхъ единорогахъ, въ Цатанихѣ, для ускоренія работъ по перестройкѣ Цатанинскаго укрѣпленія и для конвоирования транспортовъ и оказій.

Двѣ роты Апшеронскаго полка въ Харачинскомъ лѣсу, для заготовленія дровъ войскамъ, расположеннымъ въ аварскихъ укрѣпленіяхъ.

Рота Мингрельскаго полка въ селеніи Ирганаѣ, для исправленія моста на Койсу.

Три роты Апшеронскаго полка, при двухъ горныхъ единорогахъ, въ Аваріи.

Всего въ резервъ 2,515 штыковъ. Такъ былъ слабъ составъ частей войскъ въ Дагестанѣ.

Почти лишнее говорить, до какой степени подобная раздробленность войскъ противорѣчила условіямъ успѣшной войны. Какимъ образомъ мы могли прикрыть и защитить край, когда должны были употребить, по крайней мѣрѣ, двое сутокъ на сборъ разбросанныхъ повсюду ротъ; непріятель же сосредоточивался внезапно, передвигался съ неимовѣрною быстротою. Эта раздробленность была причиною разнаго рода недоразумѣній и даже, какъ увидимъ впоследствии, своеволія частныхъ начальниковъ. Занимая такъ много пунктовъ, мы не имѣли возможности сообразоваться съ качествомъ ихъ климата, а это повлекло къ сильной болѣзненности, такъ сказать, децимировавшей войска; на примѣръ, въ пяти баталіонахъ Апшеронскаго полка считалось въ августѣ 1843 года всего 2,547 штыковъ, то есть на половину противъ комплекта. Раздробленность же была причиною значительныхъ издержекъ, на которыя не хватало суммъ, обыкновенно ассигнуемыхъ на сѣверный Дагестанъ. Последнее заставляло насъ налагать на народъ тяжкія повинности по перевозкѣ провіанта, по доставкѣ дровъ, по выставкѣ милиціи, по устройству путей сообщенія, — мѣра, въ высшей степени не политическая, особенно въ краѣ, гдѣ владычество наше было еще не прочно. И до сихъ поръ многіе изъ военныхъ людей полагаютъ, что условія горной войны неминуемо влекутъ за собою раздробленіе силъ; но это крайне ошибочно, въ подтвержденіе чего мы ссылаемся на дѣйствія князя Аргутинскаго, который былъ врагъ всякому раздробленію, и поэтому всегда достигалъ отличныхъ результатовъ.

Неустройство управленія и проистекающая оттуда неясность отношеній покоренныхъ къ завоевателямъ, были также причиною неудачъ, какъ въ этомъ, такъ и въ большей части предшествовавшихъ годовъ.

Лучшимъ примѣромъ, въ этомъ случаѣ, будутъ Акуша и Пудахаръ. Имѣя до 4000 жителей и занимая центральное положеніе между сѣвернымъ и южнымъ Дагестанами, они оставались чуждыми и тому и другому: Все обезпеченіе, которое мы имѣли въ вѣрности ихъ, заключалось въ томъ, что общества эти выгоняли зимою свои стада на равнины шамхальства. Но мы не слѣдили за поведеніемъ жителей, мы не знали, кто изъ нихъ сносился съ мюридами: мы только могли наказать ихъ за измѣ-

ну, но не предупредить ее. Не управляя ими, мы не заставляли их стремиться, совмѣстно съ нами, къ общей цѣли—искорененію варварства. Быть ихъ и порядокъ управленія оставался въ прежнемъ видѣ, какъ будто бы Русскихъ вовсе не существовало въ Дагестанѣ. На бумагѣ, общества эти входили въ составъ Дербентскаго округа, но въ сущности оставались по прежнему въ управленіи своихъ главныхъ кадиевъ (въ каждомъ обществѣ по одному) и не имѣли никакихъ сношеній съ дербентскимъ начальствомъ (*).

Вокругъ самаго Дербента, гдѣ мы старались вводить наши гражданскія постановленія, было все еще дико, не приготовлено къ этимъ реформамъ.

Напримѣръ, жителю Табасарани или Кайтага приходилось имѣть дѣло съ чиновникомъ окружнаго правленія, который не понималъ его языка и долженъ былъ говорить съ нимъ иногда чрезъ посредство двухъ переводчиковъ: одного, знающаго татарскій и кайтагскій, другаго, русскій и татарскій языки. Первый переводчикъ, выслушавъ Кайтагца, переводилъ его рѣчь на татарскій, прикрашивая ее по восточному обыкновенію; вто ой переводилъ ее съ татарскаго на русскій языкъ; такимъ же точно порядкомъ Кайтагецъ принималъ рѣшеніе или заключеніе нашего судьи. Легко представить, какъ это было затруднительно для обѣихъ сторонъ, особенно при соблюденіи всѣхъ формальностей нашихъ гражданскихъ постановленій. Нерѣдко самый смыслъ просьбы или рѣшенія искажался чрезъ невразумительный переводъ посредниковъ, и тогда оба, и истецъ и судья, смотрѣли другъ на друга удивленными глазами. Въ провинціяхъ, пріобрѣтенныхъ отъ Персіи и Турціи, введеніе гражданскаго порядка было истиннымъ благодѣяніемъ и не удивило никого, такъ какъ эти области привыкли уже до нѣкоторой степени къ административному порядку; но въ Дагестанѣ, за исключеніемъ Кубинскаго и небольшой части Дербентскаго (городъ Дербентъ, Улусскій магалъ) уѣздовъ, попытка эта была слишкомъ рановременная и не согласная съ обстоятельствами. Здѣсь народъ не имѣлъ никако-

(*) Нынѣ общества эти управляются русскимъ штабъ-офицеромъ, который, придерживаясь ихъ обычаевъ, дѣйствуетъ совершенно въ духѣ правительства; отъ этого общества эти теперь смирны, покорны и какъ нельзя лучше намъ служатъ.

го понятія, объ административныхъ формахъ: это были просто дикари. Здѣсь прежде всего надо было ввести повсюду военное управленіе, какъ это было введено съ 1839 года въ Самурскомъ округѣ и какъ нынѣ въ Даргинскомъ, которое, будучи болѣе согласно съ духомъ народа, постепенно бы его приучило къ переходу въ другой порядокъ, а то, благодаря гражданскому дѣлопроизводству, выходили разныя недоразумѣнія. Напримѣръ, въ случаѣ какого нибудь уголовного дѣла по нашимъ законамъ, но вовсе неуголовнаго по понятію туземцевъ, какъ напримѣръ убійство человѣка въ кровомщеніи (канлы),—судьи наши заводили *слѣдственное дѣло* по всѣмъ утомительнымъ формальностямъ, требовали свидѣтелей, сажали въ тюрьму обвиненныхъ. Иногда дѣло, по недостатку законныхъ свидѣтельствъ, тянулось по два и по три года, и все это время виновные страдали въ душномъ острогѣ, сами еще хорошенько не зная, за что ихъ наказываютъ. Напримѣръ, какой нибудь Кайтагецъ крадетъ у своего сосѣда лошадь, дѣло весьма обыкновенное, его тянутъ въ судъ и волочатъ дѣло по нѣскольку мѣсяцевъ. При этомъ порядкѣ, разумѣется, ни виновные, ни свидѣтели не обращались къ нашему правосудію, а искали удовлетворенія въ собственныхъ средствахъ, отчего положеніе наше въ краѣ было крайне непрочное, за недостаткомъ администраціи, а кто не согласится, что правильно приспособленная администрація есть могущественнѣйшее средство для обладанія,—вспомнимъ только, какъ объ ней заботился Шамиль!

Ко всему этому, дагестанское начальство вовсе не вникало въ духъ народа и дѣлало весьма важныя ошибки. Напримѣръ, въ 1842 году, управлять Андаляломъ былъ назначенъ Алипкачъ-бекъ, житель шамхальства. Назначеніе это крайне оскорбило всѣхъ вліятельныхъ Андалялцевъ, которые никакъ не считали себя ниже Алипкачева, ни по уму, ни по знатности, ни по вліянію, и поэтому приняли назначеніе это за оскорбительную надъ ними насмѣшку. Старшиною чиркеевскимъ былъ назначенъ нѣкто Біакай, а Джамаль чиркеевскій, рѣдкій умница и политикъ, его дѣти и родственники, оставались въ сторонѣ и, не желая повиноваться Біакаю, вступили изъ мести въ сношенія съ Шамилемъ (*). Многія изъ начальствующихъ лицъ не хотѣли

(*) Вообще, туземцы охотнѣе повинуются русскимъ офицерамъ, назначеніе которыхъ примиряетъ всѣ партіи, нежели своимъ ханамъ, которые грабятъ ихъ по восточному обычаю.

понимать характера горцевъ, которые, не смотря на свою бѣдность, крайне самолюбивы и горды, и держали себя въ отношеніи ихъ надмѣнно. Къ одному изъ нашихъ генераловъ пришли по дѣламъ Дидойцы, бѣдные, оборванные, замаслянные. Когда одинъ изъ нихъ приблизился къ нему, нечистота его такъ поразила утонченный вкусъ нашего генерала, что онъ позволилъ себѣ грубо оттолкнуть его. Тогда Дидоецъ, покачавъ головою съ видомъ глубокаго сожалѣнія и нисколько не сконфузившись, сказалъ: «не много надо имѣть ума, чтобъ пренебречь бѣднымъ человѣкомъ».

Недостатокъ въ способныхъ людяхъ между дагестанскими ханами, которые изъ собственныхъ выгодъ могли еще поддерживать наше вліяніе въ краѣ, былъ также ощутителенъ. Въ январѣ 1843 года скончался Ахметъ-ханъ Мехтулинскій, человѣкъ энергическій, способный и вліятельный въ краѣ. Послѣ него, правительницею ханства, за малолѣтствомъ его дѣтей, осталась жена его Нохъ-бике, женщина умная и дѣятельная, но все-таки женщина. Ханство осиротѣло, народъ не слушался ее, беки интриговали и всякая связь съ Аварією и отчасти съ нами прекратилась.

Шамхаль тарковскій Абу-муселимъ ханъ, сынъ Мехти-шамхала и наслѣдовавшій шамхальство по сметри брата своего Сулейманъ-паши, былъ человѣкъ, глубоко намъ преданный, честный и добрый; но, воспитанный въ духѣ азіатской роскоши, онъ заботился только о чувственныхъ наслажденіяхъ и не имѣлъ никакихъ военныхъ способностей.

Магометъ-кадіи Акушинскій и Асланъ-кадіи Цидахарскій были способные и вліятельные люди, умѣли снискать уваженіе народа, но требовали для присмотра за собою и, въ крайнихъ обстоятельствахъ, для поддержки—твердой руки, а ея не было. Правитель Казикумухскаго ханства, Абдурахманъ-бекъ пользовался довольно посредственною репутаціею, не отличался никакими способностями, былъ большой фанфаронъ и притомъ не трезваго поведенія; но онъ былъ по крайней мѣрѣ намъ преданъ и усерденъ къ общей пользѣ. Родной братъ его, Агаларъ-бекъ (нынѣ свиты Его Величества генераль-маіоръ),—человѣкъ рѣдкихъ способностей и отличный воинъ,—былъ тогда еще очень молодъ. Правитель Кюринскаго ханства, Юсуфъ-бекъ (двоюродный братъ Абдурахмана, нынѣ свиты Его Величества генераль-маіоръ), одинъ только рѣзко выдавался изъ среды прочихъ

туземныхъ правителей, по своимъ дарованіямъ и твердому характеру. Вообще же надо сказать, что въ южномъ Дагестанѣ все-таки было больше порядка и спокойствія, благодаря твердости и опытности тамошняго командующаго войсками, генераль-маіора князя Аргутинскаго-Долгорукаго.

Командующій войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ, генераль-маіоръ Клюки-фонъ-Клугенау обладалъ только отвагою солдата: въ іюлѣ 1840 года подъ Ишкартами онъ былъ окруженъ десяти тысячнымъ скопищемъ Шамиля, имѣя всего шесть ротъ, и во все продолженіе дѣла не выпускалъ сигары изо рта. Клугенау — родомъ Швейцарецъ, высокаго роста, плотный, съ рѣзкими манерами, вспыльчивый до безразсудства, но добрый, честный и великодушный. Онъ хорошо понималъ образъ веденія войны, имѣлъ большую опытность, могъ сдѣлать хорошую экспедицію, но вовсе не былъ способенъ руководить дѣломъ въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, каковы были въ 1843 году. Событія конца 1841 года достаточно это показали.

Изъ ближайшихъ помощниковъ командующаго войсками преимущественно обращали на себя вниманіе правитель Аваріи маіоръ князь Орбеліани, бывшій приставъ Койсубулинскаго общества подполковникъ Евдокимовъ и генеральнаго штаба подполковникъ Пассекъ. Лица эти, занимая второстепенныя мѣста управленія, тѣмъ не менѣе, по своимъ талантамъ, имѣли могущественное вліяніе на ходъ дѣлъ въ краѣ и поэтому считаемъ долгомъ сказать о нихъ, на сколько то позволить скромность.

По смерти Ахметъ-хана, правителемъ Аваріи былъ назначенъ князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, нынѣ генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ и управляющій гражданскою частію на Кавказѣ (*). Аварцы сначала приняли его не совсѣмъ благосклонно, потому что князь былъ Грузинъ. Громивъ Грузію въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и считая ее почти въ зависимости отъ себя, Аварцамъ казалось унизительнымъ повиняться Грузину; но ласковое обращеніе князя, умѣнье говорить съ народомъ и знаніе туземныхъ обычаевъ, вскорѣ привлекли къ нему всѣхъ. Мы не рѣшаемся высказать здѣсь своихъ мнѣній о

(*) Князь Григорій Дмитріевичъ съ 1854 года командовалъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ; въ январѣ 1858 года онъ получилъ теперешнее свое назначеніе.

привлекательномъ характерѣ, объ утонченномъ образованіи и воинскихъ дарованіяхъ князя Григорія Дмитріевича, предоставляя объ этомъ судить всѣмъ знающимъ князя лично, или свидѣтелямъ его заслугъ на поприщѣ войны и умиротворенія Высочайше ввѣреннаго ему края.

Николай Ивановичъ Евдокимовъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ и командующій войсками лѣваго крыла Кавказской линіи) и до сихъ поръ извѣстенъ въ Дагестанѣ подъ почетнымъ названіемъ *учь-гѣза* (трехглазаго), даннаго ему горцами по случаю опасной раны, полученной въ лицо, немного ниже лѣваго глаза, раны, оставившей навсегда глубокую, круглую впадину. Во время описываемыхъ дѣйствій, Николай Ивановичъ сначала состоялъ по особымъ порученіямъ при генералѣ Клугенау, а потомъ командовалъ войсками на Сулакской линіи. Распорядительность его и военныя способности лучше всего обнаружатся при самомъ разказѣ событій.

Имя Пассека извѣстно всей Россіи. Соединяя съ высшимъ военнымъ образованіемъ могучую энергію и необыкновенную смѣлость, онъ въ короткое время своего пребыванія въ Дагестанѣ заставилъ непріятеля уважать себя. Одно имя его замѣняло цѣлые баталіоны, а отвага вошла въ пословицу. Но къ сожалѣнію, характеръ его, строптивый, упрямый, не допускающій ни малѣйшихъ возраженій, вредилъ общему успѣху и доставлялъ ему множество враговъ. За компанію 1843 года Государь Императоръ щедро наградилъ его: онъ получилъ чины полковника и генералъ-маіора и орденъ св. Георгія 4-й степени; въ 1844 году онъ былъ назначенъ командиромъ Апшеронскаго полка и получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, за пораженіе акушинскихъ скопищъ подъ Кака-Шурою. Онъ умеръ со славою въ 1845 г. во время Даргинской экспедиціи. Приговоры о Пассекѣ совершенно противоположны. Одни благословляютъ судьбу, похитившую его такъ рано съ военного поприща, ссылаясь, и весьма справедливо, на его отчаянную заносчивость въ дѣлѣ, могшую когда нибудь погубить, вмѣстѣ съ нимъ, и ввѣренныя ему войска. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что такіе люди, какъ Пассекъ, необходимы въ кавказской войнѣ, требующей иногда такихъ дѣйствій, которыя, повидимому, прямо противорѣчатъ здравому расчету и основываются единственно на инстинктѣ. И тѣ и другіе справедливы. Характеръ Пассека являлъ собою любопытный феноменъ въ нравственномъ мірѣ; онъ принадле-

жалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ надо было любить, уважать, сожалѣть и постоянно избѣгать.

Въ такихъ то обстоятельствахъ наступилъ 1843 годъ, или лучше сказать его критическая минута, сентябрь мѣсяць. До этого времени въ Дагестанѣ все было спокойно и только мелкія непріятельскія партіи (*), по временамъ, тревожили наши предѣлы. То было затишье предъ бурей, грозное, удушливое, объщующее великія потрясенія.

Избранный нами порядокъ повѣствованія, основанный на самомъ ходѣ событій, заставляетъ до времени умалчивать объ южномъ Дагестанѣ; иначе трудно будетъ представить съ надлежащею ясностью компанію 1843 года, и безъ того дробившюся на множество мелкихъ эпизодовъ.

Въ августѣ обыкновенно оканчиваются полевая работа и горцы, снабдивъ свои семейства всѣмъ необходимымъ на зиму, дѣлаются свободными. Это время и было избрано Шамилемъ для открытія военныхъ дѣйствій, какъ самое удобное въ отношеніи продовольствія и необременительное для жителей.

Въ концѣ августа, послѣ обычныхъ молитвъ за успѣхъ предпріятія, Шамиль выѣхалъ изъ Дарго въ Дылымъ, селеніе Салатавскаго общества, лежащее верстахъ въ 16 отъ кр. Внезапной, въ лѣсистыхъ предгоріяхъ Чернаго хребта. Сюда же, по его приказанію, стягивались пѣшіе и конные Чеченцы, Ичкеринцы, Ауховцы и Салатавцы. Въ то же время, внутри Дагестана, сосредоточивался непріятель на трехъ пунктахъ: въ Гумбетѣ у Чирката, въ Каратѣ и въ Тилитляхъ. Общая численность всѣхъ скопищъ простиралась свыше 10 тысячъ пѣшихъ и конныхъ.

Желая сохранить въ глубокой тайнѣ настоящую цѣль сборовъ, Шамиль распускалъ слухи, что дылымовскія скопища предназначались для дѣйствій противъ Кумыкской плоскости, а главное, противъ Кизляра, уже не разъ испытывающаго подобныя набѣги. Сборы же Дагестана предназначались отчасти противъ шамхальства (гумбетовскіе) и Казикумуха (тилитлинскіе), а от-

(*) Партія, слово техническое на Кавказѣ, означаетъ небольшой отрядъ преимущественно конныхъ горцевъ, имѣющихъ какую нибудь второстепенную цѣль: набѣгъ, грабежи, уводъ скота и проч.

части противъ Аваріи (Хаджи-Муратъ въ Каратѣ). Всѣмъ было извѣстно, съ какою быстротою непріятель переносился съ одного пункта на другой, по этому ждали его вездѣ, но никому, кромѣ нѣкоторыхъ приближенныхъ Шамиля, не были извѣстны настоящія его намѣренія. Прибытіе же Шамиля въ Дылымъ заставило предполагать, что онъ дѣйствительно намѣренъ двинуться на Кумыкскую плоскость.

Настоящій же планъ Шамиля заключался въ нечаянномъ нападеніи на Унцукуль, который онъ собирался наказать за выдачу въ прошломъ году 80 его мюридовъ и вообще за преданность намъ. Въ случаѣ удачи, онъ предполагалъ дѣйствовать противъ аварскихъ укрѣпленій и тѣмъ принудить насъ къ очищенію Аваріи—цѣль постоянныхъ домогательствъ его предшественниковъ Кази-муллы и Гамзатъ-бека.

Два наиба были избраны Шамилемъ въ главные сподвижники.

Изъ нихъ Хаджи-Муратъ, нѣкогда намъ преданный, но озлобленный мстительностію Ахметъ-хана Мехтулинскаго, перешелъ Шамилю и пріобрѣлъ подъ его знаменами громкую извѣстность. Съ раннихъ лѣтъ, Хаджи-Муратъ былъ виднута на политическое поприще, по поводу волненій въ Дагестанѣ. Въ 1830 году, онъ, вмѣстѣ съ другими Аварцами, участвовалъ въ славномъ отраженіи Кази-Муллы отъ Хунзаха. За тѣмъ обстоятельства перемѣнились: мѣсто Кази-муллы занялъ Гамзатъ-бекъ и рядъ успѣховъ увѣнчалъ предпріятія послѣдняго. Хаджи-Муратъ, волею неволею, сдѣлался свидѣтелемъ истребленія законныхъ своихъ владѣтелей и подчинился на время силѣ обстоятельствъ. Но съ этой минуты, въ энергической душѣ его возникло чувство независимости и вскорѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Османомъ, онъ сдѣлался дѣятельнымъ участникомъ заговора, послѣдствіемъ котораго было умерщвленіе дерзкаго самозванца. За это Хаджи-Муратъ получилъ чинъ прапорщика милиціи и былъ назначенъ временно управлять Аваріею до пріѣзда Магометъ мирзы хана, котораго, какъ намъ извѣстно, смѣнилъ Ахметъ ханъ Мехтулинскій.

Неизвѣстно, что было причиною его неудовольствія съ Ахметъ-ханомъ, вѣроятно Хаджи-Муратъ интриговалъ противъ него, когда послѣдній добивался званія правителя Аваріи; извѣстно только, что Ахметъ-ханъ его возненавидѣлъ и всевозможныя притѣсненія посыпались на Хаджи-Мурата. Послѣдній неоднократно

искалъ заступничества у генерала Клугенау, но, будучи и передъ нимъ оклеветанъ, не получилъ никакого удовлетворенія и изъ мести естугилъ въ сношенія съ Шамилемъ. Сношенія эти были своевременно открыты и Хаджи-Мурата, какъ виновнаго въ уголовномъ преступленіи, предписано было препроводить въ Темиръ-Ханъ-Шуру для окончательнаго суда. Зная, что его ожидало, Хаджи-Муратъ рѣшился бѣжать во что бы то ни стало.

10 ноября 1840 года конвой, состоявшій изъ роты Апшеронскаго полка, вмѣстѣ съ арестантомъ, выступилъ изъ Хунзахской цитадели по дорогѣ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Были большія снѣга, совершенно завалившія главную дорогу на Арактау, и конвойный офицеръ избралъ для слѣдованія окольный путь на деревню Буцру, оказавшійся удобнѣе перваго. За Буцрою, гдѣ начинался подъемъ на Арактау, нельзя было слѣдовать иначе, какъ по одному человѣку, и конвой вытянулся въ линію, имѣя посреди себя арестанта, прикрученнаго веревками къ двумъ солдатамъ, шедшимъ спереди и сзади его. Достигнувъ мѣста, гдѣ тропинка пролегла надъ почти отвѣсною кручею, Хаджи-Муратъ вдругъ со всего размаха бросился внизъ и увлекъ съ собою обоихъ державшихъ его солдатъ. При сильномъ и неожиданномъ движеніи внизъ, солдаты, чтобы спасти себя, выпускаютъ изъ рукъ веревки, а Хаджи-Муратъ одинъ скатывается на дно бездны. Глубокіе снѣга и метель не позволяютъ разыскивать бѣжавшаго арестанта.

Полуживой, съ переломленною ногою, онъ едва могъ достаться до перваго попавшагося ему хутора, гдѣ былъ на время укрытъ и получилъ необходимую помощь. Отсюда онъ бѣжалъ въ Цельмесъ, гдѣ у него было много приверженцевъ и взбунтовалъ противъ насъ жителей этого селенія. Бунтъ этотъ проникъ и въ другія деревни, такъ что въ началѣ 1841 года на сѣверо-западѣ Аваріи обнаружались значительныя безпокойства, заставившія насъ снарядить особую экспедицію противъ Хаджи-Мурата подъ начальствомъ генерала Бакунина. Но экспедиція эта кончилась весьма неудачно: Бакунинъ былъ смертельно раненъ, а отрядъ его едва успѣлъ спастись. Ободренный успѣхомъ, Хаджи-Муратъ снова собралъ скопище и въ продолженіе пяти дней опустошалъ нижнія аварскія селенія, чѣмъ принудилъ многія изъ нихъ отложиться. Эти услуги сблизили его съ Шамилемъ, который, видя способности Хаджи-Мурата и его вліяніе на Аварцевъ, назначилъ его наибомъ Аваріи, въ качествѣ кото-

раго Хаджи-Муратъ и является при началѣ компаніи 1843 года.

Хаджи-Муратъ не обладалъ, подобно Шамилю, способностію руководить предпріятіями, имѣющими важную военную цѣль; но за то никто не превосходилъ его отважностію и предпріимчивостію въ набѣгахъ. То былъ искусный партизанъ, налѣтъ въ родѣ пѣкогда знаменитыхъ пановъ Лисовскаго и Сапѣги. Для него ничего не значило съ 400, 500 конныхъ появиться въ тылу войскъ, далеко въ глубинѣ занятаго нами края; перейти сегодня 70, завтра 100 верстъ, отвлечь фальшивой тревогой войска совершенно въ другую сторону и, пользуясь всеобщей суматохой, ускользнуть безнаказанно,—эти партизанскія качества доставили въ послѣдствіи Хаджи-Мурату громкую извѣстность въ горахъ, какой не достигалъ не одинъ изъ набовъ и которая, по временамъ, даже пугала Шамиля, при всемъ необыкновенномъ искусствѣ его держать народъ въ рукахъ.

Не столь романическая, но тѣмъ не менѣ замѣчательна личность другаго сподвижника Шамиля,—Кибить-Магомы Тилитлинскаго. Во время всеобщихъ волненій въ Дагестанѣ, онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ проповѣдниковъ шарріата и, чтобъ не имѣть соперниковъ, самымъ коварнымъ образомъ истребилъ до 40 человекъ своихъ родственниковъ, имѣвшихъ большой голосъ и влияние на народъ. Такимъ образомъ, въ 1840 году, когда вспыхнуло всеобщее возстаніе въ Дагестанѣ, Кибить-Магома былъ единственный человекъ въ обществахъ на югъ отъ Аварской Койсу, около котораго оно могло группироваться. Мрачный изувѣръ, плохой и нерѣшительный воинъ, онъ не имѣлъ никакихъ правъ на роль самостоятельнаго начальника, еслибы Шамиль не боялся его коварства и не дорожилъ имъ, какъ человекомъ, глубоко уважаемымъ въ народѣ за его мнимую святость.

27 августа дылымовскія скопища, подъ личнымъ предводительствомъ Шамиля, потянулись черезъ Мичикъ-калъ въ Гумбетъ и оттуда внезапно появились передъ Унцукулемъ, сдѣлавъ переходъ въ 70 верстъ менѣе, чѣмъ въ сутки. Въ тотъ же день, туда прибыли Хаджи-Муратъ изъ Аваріи и Кибить-Магома отъ Тилитлей, такъ что неприятельское скопище, сосредоточенное подъ

Унцукулемъ, простиралось, какъ мы сказали, до 10,000 пѣшихъ и конныхъ.

При появленіи непріятеля, Унцукульцы, ободряемые своимъ кадїемъ Кибить-Хаджію, вышли на встрѣчу Шамилю, но подавленные превосходными силами, были отброшены съ урономъ. Шамиль занялъ Бетлинскую гору и обложилъ селеніе.

Какъ ни быстро было движеніе непріятеля, какъ ни глубоко хранилъ онъ въ тайнѣ свои намѣренія, все-таки попытка его наказать Унцукуль осталась бы безъ особыхъ послѣдствій, еслибы не одно совершенно неожиданное обстоятельство. Унцукульскій кадїй Кибить-Хаджію постоянно доставлялъ намъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ предположеніяхъ Шамиля, получаемыя имъ отъ своего друга игалинскаго кадїа, пользовавшагося большимъ довѣріемъ Шамиля. И на этотъ разъ игалинскій кадїй, еще за два дня до прибытія скопищъ къ Унцукулю, послалъ къ Кибить-Хаджію одного жителя селенія Бетли съ положительнымъ увѣдомленіемъ о намѣреніи Шамиля двинуться къ Унцукулю. Но посланный, проходя ночью Бетлинскую гору, попался въ руки къ нѣсколькимъ мюридамъ и навлекши на себя подозрѣніе неловкими отвѣтами, былъ задержанъ и обысканъ. Найденное при немъ письмо было доставлено къ Шамилю, который тотчасъ же приказалъ казнить игалинскаго кадїа и его несчастнаго лазутчика. Еслибы Кибить-Хаджію узналъ заблаговременно о намѣреніяхъ Шамиля, то не только усилили бы гарнизонъ Унцукуля, но и отрядъ могъ собраться двумя днями раньше.

Генераль-маіоръ Клюки-фонъ-Клугенау получилъ извѣстіе объ обложеніи Унцукуля въ ночь на 28 августа и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи къ Цатаниху всѣхъ резервовъ, находящихся на работахъ въ шамхальствѣ, Койсубу и Аваріи. Цѣль движенія къ Цатаниху была слѣдующая: въ случаѣ пораженія непріятеля съ этой стороны (черезъ Бетлинскую гору), не только освобождался Унцукуль, но отрѣзывался и самый путь отступленія шамилевыхъ скопищъ. Однако, при всей поспѣшности, съ какою были направлены войска къ Цатаниху, отрядъ не могъ тамъ окончательно сосредоточиться ранѣе 30 августа.

И такъ, весь успѣхъ дѣйствій зависѣлъ отъ того, устоитъ ли Унцукуль въ теченіе этого времени.

Селеніе это, включавшее свыше 800 дворовъ, состояло изъ двухъ частей—верхняго и нижняго. Изъ нижней части, окру-

женной садами, узенькая тропинка, извилинами, поднималась въ верхнее селеніе, расположенное, какъ и всѣ дагестанскіе аулы, амфитеатромъ. Нижнюю часть можно еще было занять безъ особыхъ потерь, но доступъ къ верхней былъ труденъ и при энергической оборонѣ почти невозможенъ безъ пособія артиллеріи.

Унцукульскій фортъ, расположенный на отдѣльной высотѣ, въ связи съ верхнимъ селеніемъ, былъ вооруженъ тремя орудіями: $\frac{1}{4}$ пудовымъ единорогомъ, 6 фунтовою пушкою и 6 фунтовою мортиркою. Гарнизонъ его, подъ начальствомъ поручика Аносова, состоялъ изъ 7-й егерской роты Апшеронскаго полка въ числѣ 140 штыковъ; небольшая часть роты была поставлена въ отдѣльную башню, прикрывавшую родникъ, снабжавшій гарнизонъ водою.

Съ своей стороны, какъ и понятно, Шамиль торопился овладѣть селеніемъ до прихода русскихъ войскъ. Еще въ вечеру 27 августа онъ открылъ переговоры съ жителями, увѣщавая ихъ тотчасъ же сдаться и грозя въ случаѣ сопротивленія безпощаднымъ истребленіемъ. Унцукульцы раздѣлились на двѣ партіи: одна изъ нихъ, болѣе малодушная и напуганная посланными отъ Шамиля мюридами, явно клонилась на его сторону; другая же, поддерживаемая Кибитъ-Хаджію, отвергла его предложенія и рѣшилась не сдаваться. Зная это раздвоеніе умовъ и желая имъ воспользоваться, Шамиль приказалъ говорить къ общему приступу. 28 августа мюриды, въ большихъ массахъ, атаквали Унцукуль со стороны садовъ, легко успѣли опрокинуть нерѣшительно дравшихся жителей и на плечахъ ихъ ворвались въ нижнюю часть селенія. Какъ не важенъ былъ этотъ первоначальный успѣхъ, все еще Шамилю предстояли огромныя трудности: оставшаяся намъ вѣрною часть жителей, вмѣстѣ съ семействами и имуществомъ, перебралась въ верхній Унцукуль, подъ прикрытіе форта, и рѣшилась драться на смерть. Нѣтъ сомнѣнія, что Шамиль, послѣ тщательныхъ попытокъ овладѣть крѣпкимъ селеніемъ, былъ бы принужденъ бѣжать со стыдомъ, еслибы не помогло ему неблагоразуміе одного изъ нашихъ штабъ-офицеровъ.

Командиръ 3 баталіона Мингрельскаго полка, подполковникъ Веселицкій, которому поручено было начальство надъ Цатанискимъ гарнизономъ, узнавъ въ Гимрахъ (гдѣ онъ былъ по служебной надобности) о появленіи непріятеля подъ Унцукулемъ, тотчасъ же поспѣшилъ къ своему посту, пославъ напередъ отно-

шеніе къ маіору Косовичу, стоявшему съ двумя ротами на работахъ у Ирганаевскаго моста. Въ отношеніи своемъ онъ предлагалъ Косовичу немедленно направить въ Моксохъ 8-ю Мингрельскую роту, а Апшеронскую перевести въ Зыряны, для усиленія гарнизона и обезпеченія переправы.

Прибывъ въ Моксохъ, Веселицкій засталъ тамъ Тифлискаго полка маіора Грабовскаго, съ 3 карабинерною ротою Мингрельскаго полка и 4 ротою линейнаго № 13 баталіона, при двухъ горныхъ единорогахъ. Маіоръ Грабовскій, за недѣлю назадъ, былъ посланъ командующимъ войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ для осмотра работъ, производящихся по укрѣпленіямъ Койсубулинскаго общества и Аваріи. Въ Цатанихѣ Грабовскій узналъ о нападеніи непріятеля на Унцукулъ и не облеченный никакою властію, самовольно взялъ оттуда двѣ роты и слѣдовалъ съ ними на выручку чрезъ Моксохъ, гдѣ и встрѣтился съ Веселпцкимъ.

Изъ Моксоха подполковникъ Веселицкій послалъ донесеніе генералу Клугенау объ обложеніи Унцукуля и о своихъ распоряженіяхъ. При чемъ въ концѣ бумаги Веселицкій прибавилъ, что если онъ къ разсвѣту 29 числа не получитъ отъ генерала Клугенау наставленія, *то сдѣлаетъ то, что Богъ и совѣсть ему повелѣваютъ.*

Однако, желаніе играть роль самостоятельнаго начальника увлекло несчастнаго Веселицкаго и онъ, не дожидаясь отвѣта изъ Темиръ—Ханъ—Шуры и вопреки своего донесенія, 28 августа, выступилъ къ селенію Харачи, съ ротами, приведенными Грабовскимъ. Въ Харачахъ онъ надѣялся подкрѣпить себя 3 и 4 гренадерскими ротами Апшеронскаго полка, находившимися тамъ на рубкѣ лѣса подъ командою капитана Шульца.

Между тѣмъ, командиръ 3 гренадерской роты Апшеронскаго полка капитанъ Шульцъ, услышавъ 27 августа, часу въ пятомъ по полудни, сильную ружейную пальбу подъ Унцукулемъ, и заключивъ изъ этого о появленіи тамъ непріятеля, собралъ поспѣшно свои роты и двинулся туда. Но едва онъ вышелъ изъ лѣса, какъ передъ нимъ открылись многочисленныя скопища Шамиля, густыми массами спускавшіяся со всѣхъ сторонъ къ селенію. Дѣлать было нечего, и капитанъ Шульцъ вернулъ въ Харачи, пославъ обо всемъ видѣнномъ донесеніе къ генералу Клугенау. Весь день 28 августа Шульцъ оставался въ Харачахъ, не получая ни откуда увѣдомленія; какъ вдругъ, часу въ четвер-

томъ вечера, прибываетъ къ нему подполковникъ Веселицкій съ двумя ротами и двумя орудіями. Немедля ни минуты, Веселицкій именовъ генерала Клугенау приказываетъ ротамъ капитана Шульца присоединиться къ себѣ и, образовавъ такимъ образомъ сводный баталіонъ изъ 4 ротъ, двинулся далѣе. Уже смерклося, а дорога становилась хуже и хуже; въ одномъ мѣстѣ огромные камни совершенно преградили путь и надо было на рукахъ тащить орудія. Веселицкій рѣшился переночевать на выдававшейся посреди скалъ довольно просторной площадкѣ. Расположивъ на ней свой баталіонъ, онъ приказалъ сдѣлать нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, чтобы извѣстить унцукульскій гарнизонъ о близкой помощи. Внизу, подъ ногами отряда, царствовала глубокая тишина и только скаты Бетлинской горы и унцукульскіе сады, горѣвшіе тысячами огней, доказывали о присутствіи многочисленнаго непріятеля, а у Веселицкаго всего было съ небольшимъ 350 штыковъ.

Между тѣмъ, непріятель, убѣдившись по выстрѣламъ Веселицкаго, что къ Унцукулю идетъ какое то подкрѣпленіе, озабочился въ эту же ночь преградить ему дальнѣйшую дорогу и съ этой цѣлью сильно занялъ унцукульскіе сады и глубокую балку, которую, при движеніи отъ Харачей, нельзя было миновать. Утромъ 29 августа, Веселицкій открылъ расположеніе непріятеля и всѣ трудности, которыя ему предстояло преодолѣть; но онъ былъ такъ малодушенъ, что и тутъ не хотѣлъ отступить. Устроивъ отрядъ къ бою и имѣя въ головѣ одно орудіе, онъ двинулся впередъ, чтобы овладѣть садами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, его встрѣтили большія массы непріятеля, которыя, окруживъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, открыли по немъ убійственный огонь. Веселицкій приказалъ выдвинуть оба единорога на позицію и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ картечью; непріятель какъ будто скрылся; но пули, во множествѣ летавшія изъ-за деревьевъ, доказывали его присутствіе. Мы уже имѣли до 40 человекъ убитыми и ранеными.

Тогда у Веселицкаго родилась мысль отступить, но къ сожалѣнію это было поздно, потому что въ тылу его находилось до тысячи пѣшихъ горцевъ, которые, засѣвъ въ нѣсколько ярусовъ на подъемѣ въ Харачи, дѣлали возвращеніе отряда невозможнымъ. Оставалось во что бы то ни стало достигнуть Унцукуля, и Веселицкій, взявъ единороги на передки, ринулся впередъ ускореннымъ шагомъ, чтобы по возможности скорѣе мино-

вать сферу выстрѣловъ. Спустившись въ балку (въ верстѣ отъ селенія), онъ былъ вдругъ атакованъ засѣвшими тамъ мюридами, бросавшимися со всѣхъ сторонъ въ шашки. Двѣ апшеронскія роты, державшія боковыя цѣпи, были въ одно мгновеніе сбиты; самъ Веселицкій и нѣсколько другихъ офицеровъ пали; сдѣлалась всеобщая суматоха. Напрасно капитанъ Шульцъ пытался возстановить порядокъ въ разстроенныхъ частяхъ и проложить себѣ путь къ отступленію; онъ былъ убитъ, офицеры его роты также; солдаты, потерявъ всѣхъ начальниковъ, были легко сброшены въ Койсу и истреблены поодиначкѣ. Командиръ взвода единороговъ, артиллеріи прапорщикъ Потемкинъ, когда вся прислуга его была перебита, самъ сдѣлалъ послѣдній картечный выстрѣлъ, легъ на орудіе и былъ тутъ же изрубленъ мюридами. Въ этой отчаянной свалкѣ пали: два штабъ-офицера—Веселицкій и Грабовскій—главные виновники несчастія, 10 оберъ-офицеровъ и 350 нижнихъ чиновъ; изъ баталіона спаслось только нѣсколько человекъ вплавъ чрезъ Аварскую Койсу. Оба орудія, вмѣстѣ съ зарядными ящиками, достались непріятелю.

Такъ трагически кончилась неблагоразумная и опрометчивая попытка подполковника Веселицкаго. Что онъ могъ сдѣлать съ четырьмя ротами, численность которыхъ, какъ мы видѣли, едва превышала 350 человекъ, противъ непріятеля многочисленнаго и занимавшаго выгодную мѣстность? А между тѣмъ онъ отнялъ 4 роты изъ резерва, въ составѣ котораго они что нибудь да значили. Гибель его была главнѣйшею причиною всѣхъ послѣдующихъ неудачъ. Она поколебала мужество Унцукульцевъ, на глазахъ которыхъ совершилось истребленіе баталіона Веселицкаго, возстановила нравственныя силы непріятеля и, доставивъ ему два орудія, дала полную возможность восторжествовать надъ Унцукулемъ.

Почти одновременно съ движеніемъ подполковника Веселицкаго, къ атакованному селенію подходила помощь съ другой стороны. Араканскій кадій, подпоручикъ Гассанъ-Хаджію, родной братъ Кибитъ-Хаджію, по первому извѣстію о появленіи непріятеля подъ Унцукулемъ, двинулся туда, 28-го августа, съ 160 Араканцами. Но недоходя моста Шейтанъ-кѣрпи (Чортовъ мостъ), Гассанъ-Хаджію наткнулся на превосходнаго непріятеля и засѣлъ въ наскоро устроенныхъ завалахъ. Здѣсь онъ держался болѣе трехъ часовъ и имѣлъ уже на половину убитыми и ранеными, какъ мюриды, потерявъ надежду одолѣть горсть хра-

брыхъ, обратились къ Унцукулю, а Гассанъ-Хаджіо отступилъ, не оставя въ рукахъ непріятеля ни одного плѣннаго.

Гассанъ-Хаджіо былъ преданъ намъ не столько вслѣдствіе расчетовъ, сколько изъ убѣжденія въ нашемъ превосходствѣ. Онъ часто говорилъ: «Русскіе—умный народъ и у нихъ многому можно поучиться». Къ сожалѣнію, такіе люди, какъ братья Хаджіо, были весьма рѣдки.

Въ тотъ же день, то есть 28-го августа, гимринскій воинскій начальникъ двинулся къ Унцукулю съ 50 солдатами и гимринскою милиціею; но найдя тамъ превосходнаго въ силахъ непріятеля, отступилъ обратно въ селеніе, уничтоживъ за собою деревянный мостъ на Койсу.

Какъ только въ Унцукулѣ получилось извѣстіе объ истребленіи баталіона Веселицкаго, жители окончательно упали духомъ и толпами переходили къ Шамилю. 29-го числа въ полдень, къ скопищу его прибыло легкое орудіе, которое онъ вытребовалъ изъ Дарго для дѣйствій противъ форта. Тогда устроивъ батарею изъ трехъ орудій (два отбитые у Веселицкаго), Шамиль сосредоточилъ огонь ея противъ башни, прикрывающей родникъ. Къ вечеру, башня, сложенная на сухо изъ камней, была разрушена и гарнизонъ ея, состоящій изъ 25 человекъ, сдался военноплѣннымъ. Унцукульскій фортъ остался безъ воды.

Овладевъ башнею, Шамиль направилъ огонь батареи противъ западнаго фаса форта и успѣлъ, въ ночь на 30-е число, разрушить часть стѣны и подбить одно орудіе, дѣйствовавшее съ барбета. Но храбрый гарнизонъ, одушевляемый воинскимъ начальникомъ, поручикомъ Аносовымъ, тотчасъ же завалилъ брешь навозомъ, камнями и мѣшками съ землею.

По утру 30-го числа, Шамиль отдалъ приказаніе готовиться къ приступу. Скопище его построилось въ двѣ густыя колонны; одна изъ нихъ предназначалась для дѣйствія противъ форта, другая противъ верхняго Унцукуля. Передніе ряды каждой колонны были составлены изъ муртизагатовъ, какъ наиболѣе привычныхъ къ дисциплинѣ, и Шамиль отдалъ строжайшій приказъ, что въ случаѣ трусости муртизигата, каждый имѣетъ право убить труса какъ собаку.

Въ 6 часовъ мюриды, пропѣвъ торжественный и монотонный гимнъ «*Лаилла-иль-Алла*», съ ужасными криками, заглушавшими барабанный бой (*), бросились на приступъ.

(*) Шамиль въ свои скопца ввелъ барабаны, доставшіеся ему отъ насъ.

Первая колонна, устремившаяся противъ форта, успѣла добраться до полуразрушенной наканунѣ батареи и поставила тамъ свои значки; по резервъ укрѣпленія, состоящій не болѣе какъ изъ 30 человѣкъ, бросился въ штыки, опрокинулъ непріятеля и захватилъ его значки. Тогда мюриды еще поспѣшнѣ обратились назадъ, преслѣдуемые картечью и ружейнымъ огнемъ гарнизона.

Въ свою очередь, Кибитъ-Хаджію, засѣдая въ сакляхъ, обнесенныхъ завалами, съ 500 наиболѣе ему преданныхъ и обречшихъ себя на смерть, готовился къ отчаянной защитѣ. Но нападеніе на него не состоялось: посланная противъ Унцукуля колонна нѣсколько замедлила движеніемъ и увидя бѣгущихъ отъ форта своихъ товарищей, не пошла на приступъ, а разсѣялась и завязала перестрѣлку съ жителями.

Артиллерійскій и ружейный огонь закипѣлъ съ прежнею силою на всемъ протяженіи осажденной линіи.

Шамиль, огорченный утреннею неудачею и получая постоянно извѣстія о движеніи нашихъ войскъ, выѣхалъ къ своимъ толпамъ, ободрялъ ихъ и снова приказалъ готовиться къ штурму.

На этотъ разъ, всѣ свои усилія онъ сосредоточилъ противъ форта, имѣя въ виду дѣйствовать противъ селенія особымъ образомъ.

Въ полдень, мюриды вторично бросились на приступъ и снова были отброшены назадъ. Казалось, унцукульскій гарнизонъ удесятерился, такъ было велико его мужество, несмотря на то, что онъ въ продолженіе трехъ сутокъ не смыкалъ глазъ, уже 24 часа не имѣлъ воды и потерялъ болѣе половины людей убитыми и рапеными.

Съ этой минуты и до самыхъ сумерекъ, приступъ слѣдовалъ за приступомъ, и по отбитіи ихъ снова загоралась сильная и частая перестрѣлка и открывался огонь съ батарей. Болѣе 1,000 человѣкъ самыхъ храбрѣйшихъ муртизагатовъ легло подъ стѣнами Унцукуля. Съ нашей стороны — укрѣпленіе было почти разрушено, изъ гарнизона оставалось едва 60 человѣкъ и тѣ въ крайнемъ изнуреніи; заряды и патроны были израсходованы.

Въ этотъ день генералъ Кругенау былъ у Цатаниха и поджидалъ 1 баталіона Кабардинскаго полка.

Къ вечеру 30-го августа Шамиль отдалъ приказъ освободить отъ блокады ту сторону селенія, которая была обращена къ Аварской Койсу, въ томъ предположеніи, что наиболѣе мало-

душная часть изъ его защитниковъ воспользуется этимъ случаемъ для побѣга. Соображеніе это вполнѣ удалось и Кибить-Хаджію лишился до 150 человекъ, которые перебѣжали въ шамхальскія владѣнія. Поставленный такимъ образомъ въ критическое положеніе, зная о несчастномъ состояніи Унцукульскаго форта, не видя ни откуда помощи, Кибить-Хаджію рѣшился сдаться Шамилю, тѣмъ болѣе, что послѣдній далъ клятву не посягать на его жизнь, на его родственниковъ и вообще преданныхъ ему людей. Въ полночь мюриды заняли весь Унцукуль.

Тогда Шамиль обратился къ своимъ войнамъ и сказалъ имъ, указывая на фортъ: «Посмотрите, тамъ Русскихъ не было 50 человекъ, а васъ здѣсь нѣсколько тысячъ, и вы не можете одолѣть ихъ; да будетъ вамъ вѣчный позоръ!» Пристыженные мюриды снова бросились на приступъ. Два раза поручикъ Аносовъ выбрасывалъ ихъ штыками изъ укрѣпленія; наконецъ крайнее ослабленіе гарнизона отъ потерь и усталости, растрата всѣхъ зарядовъ и патроновъ, заставили его, съ честью отражавшаго Шамиля въ теченіе 4-хъ дней, положить оружіе на разсвѣтъ 31 августа. Непрiятель взялъ въ плѣнъ 2 оберъ-офицеровъ, 58 нижнихъ чиновъ; ему досталось въ добычу: $\frac{1}{4}$ пудовый единорогъ, 6 фунтовая пушка и 6 фунтовая мортира (*).

Шамиль приказалъ разрушить Унцукуль до основанія, а многихъ изъ жителей казнить.

И такъ, въ теченіе 4-хъ дней, Шамиль передвинулся отъ границъ Кумыкской плоскости въ Койсубу, истребилъ пять ротъ, захватилъ пять орудій, разрушилъ укрѣпленіе и овладѣлъ сильнымъ по мѣстности и многочисленнымъ селеніемъ. Такіе успѣхи и въ столь короткое время не могли остаться безъ послѣдствій и

(*) Къ сожалѣнію, всѣ подробности осады Унцукульскаго форта, какъ и вообще всѣхъ укрѣпленій въ Аваріи, утрачены навсегда. Въ Божіи почившій Государь Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о подвигѣ прапорщика Потемкина и Его Величеству ничего не могли отвѣтить по недостатку данныхъ. Вышеприведенныя свѣдѣнія мы заимствовали изъ опросовъ выбѣжавшихъ изъ плѣна солдатъ; но опросы эти, какъ дѣланные людьми незнающими, заключаются только въ предѣлахъ формы и не имѣютъ никакого внутренняго интереса. Напримѣръ, тамъ подробно описывается какого опрашиваемый вѣронсповѣданія, сколько лѣтъ ему отъ роду, бывалъ ли у Святаго Причастія и прочее, и ничего почти не говорится о ходѣ осады и обороны, которыхъ опрашиваемый былъ свидѣтелемъ и о которыхъ могъ бы сообщить интересныя подробности, если-бы только вопросы предлагались ему съ толкомъ и знаніемъ дѣла.

напитанные фанатизмомъ мусульмане, прекрасно понимавшіе всю трудность предпріятія, приписывали успѣхъ его особенной къ нимъ благодати Всевышняго и съ полнымъ сознаниемъ въ святости своего дѣла, съ гордостію въ сердцѣ, съ высокою нравственною силою, готовились къ новымъ подвигамъ.

Теперь обратимся къ распоряженіямъ генераль-маіора Клюки-фонъ-Клугенау.

Мы уже сказали, что, по первому извѣстію о появленіи Шамилля подѣ Унцукулемъ, онъ направилъ всѣ резервы изъ шамхальства и другихъ мѣстъ въ Аварію.

28-го августа, по утру, тронулись въ горы всѣ войска, занимавшіяся въ различныхъ мѣстахъ работами; а съ разсвѣтомъ 29, генераль-маіоръ Клюки - фонъ - Клугенау самъ послѣдовалъ за ними съ конными Шамхальцами, въ числѣ 300 человекъ. Направленные имъ части къ Цатаниху могли составить отрядъ, если присоединить къ нему и аварскій резервъ, изъ 18 ротъ, 100 человекъ саперъ, 2-хъ легкихъ орудій и 8 горныхъ единороговъ, а именно:

Аншеронскаго полка. Сводный гренадерскій баталіонъ, составленный изъ 1, 2 и 5 гренадерскихъ и 3-й мушкатерской ротъ.

6 мушкатерская рота, находившаяся у Ирганаевского моста.

3 и 4-я гренадерскія, занимавшіяся рубкою дровъ въ харачинскомъ лѣсу и истребленные 29-го августа подѣ Унцукулемъ.

7, 8 и 9-я мушкатерскія роты, составлявшія резервъ Аварской долины.

11 и 12-я мушкатерскія роты, находившіяся на разработкѣ военно-аварской дороги; а 15-я мушкатерская была оставлена тамъ для прикрытія рабочихъ инструментовъ и сбереженія матеріаловъ.

Двѣ роты Мингрельскаго полка; изъ нихъ 8 егерская была у Ирганаевского моста, а 3-я карабинерная—въ Цатанихѣ, откуда была выведена Грабовскимъ и истреблена въ дѣлѣ подѣ Унцукулемъ 29-го августа.

1 баталіонъ Кабардинскаго полка, занимавшійся ломкою зданій въ крѣпости Бурной.

Артиллерія. Два легкихъ орудія изъ дивизіона батарейной № 2-го батареи, расположеннаго въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, и 8 горныхъ единороговъ резервной № 2 батареи, изъ коихъ четыре находились въ Темиръ - Ханъ - Шурѣ, два въ Цатанихѣ и два въ Аваріи.

28-го августа былъ отправленъ изъ Темиръ — Ханъ — Шуры Апшеронскаго полка подполковникъ Евдокимовъ, съ приказаніемъ сосредоточить въ Цатанихъ войска, находившіяся на работахъ въ Койсубулинскомъ владѣніи, и смѣнить въ Харачахъ 3 и 4-ю гренадерскія роты Апшеронскаго полка, ротами, бывшими у Ирганаевскаго моста. Подполковникъ Евдокимовъ прибылъ въ Харачи утромъ 29-го августа и не засталъ уже тамъ подполковника Веселицкаго, а былъ свидѣтелемъ окончательнаго истребленія его баталіона. Поставивъ въ Харачахъ приведенныя имъ туда 6-ю роту Апшеронскаго и 8-ю Мингрельскаго полковъ, а также милиціонеровъ, для занятія этого важнаго пункта, чрезъ который пролегалъ кратчайшій доступъ въ Балаканское ущелье, — подполковникъ Евдокимовъ сдалъ начальство надъ ними командиру 4-го баталіона Апшеронскаго полка майору Косовичу, а самъ отправился съ донесеніемъ къ генералу Клугенау.

Между тѣмъ генералъ Клугенау прибылъ въ Балаканы и съ ужасомъ выслушалъ разсказъ харачинскаго жителя объ истребленіи отряда подполковника Веселицкаго. Харачинецъ смотрѣлъ на бой подъ Унцукулемъ съ горы и по этому не могъ передать всѣхъ подробностей дѣла. Вслѣдъ за симъ пріѣхалъ подполковникъ Евдокимовъ и подтвердилъ событіе, печальнаго окончанія котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Къ вечеру, въ Балаканы прибылъ солдатъ изъ отряда Веселицкаго, которому удалось спастись, бросившись въ плавь чрезъ Койсу; онъ сообщилъ, что спаслись отъ гибели два или три человѣка, что орудія взяты Шамилемъ и что въ бою пали всѣ до единаго офицеры и рядовые.

Тогда генералъ Клугенау распорядился о направленіи съ урочища Гаркаса 4 линейной роты № 14 баталіона въ Зыряны, гдѣ изъ всего гарнизона оставалось только 29 человѣкъ здоровыхъ.

Командиру 1 баталіона Кабардинскаго полка подполковнику Гротенфельду приказано было оставить одну роту изъ баталіона въ Ирганаѣ, какъ для побужденія жителей къ защитѣ противъ непріятели, такъ и для обезпеченія устроенной тамъ паромной переправы. Безъ этой предосторожности, скопища Шамиля могли овладѣть Ирганаевскимъ ущельемъ и прервать наши сообщенія съ плоскостію. Остальнымъ тремъ ротамъ этого баталіона, выступившимъ изъ Бурной и по этому бывшимъ позади прочихъ войскъ, приказано было ускорить маршъ къ Цатаниху. Подъ

прикрытіемъ ихъ слѣдовалъ изъ Темиръ - Ханъ - Шуры транспортъ съ боевыми зарядами и патронами (*).

Маіору Косовичу приказано было укрѣпиться въ Харачахъ и неоставлять этотъ пунктъ ни въ какомъ случаѣ. Селеніе это можно было долго удерживать; со стороны Унцукуля оно защищалось обрывомъ и проникнуть въ него не иначе можно было, какъ по лѣстницѣ, изсѣченной въ камняхъ.

Къ командиру войсками въ южномъ Дагестанѣ генераль-маіору князю Аргутинскому-Долгорукому былъ отправленъ нарочный, съ просьбою прислать въ Аварію, чрезъ Гергебиль и Гоцатль, два баталіона. Генераль Клугенау просилъ ихъ въ томъ предположеніи, что какъ тилитлинскія скопища Кибить-Магомы находились подъ Унцукулемъ, то южному Дагестану ничто не угрожало въ отсутствіи ихъ, а для сохраненія въ немъ спокойствія достаточно было оставшихся тамъ, за отдѣломъ въ Аварію, трехъ баталіоновъ. Въ послѣдствіи мы изложимъ причины, почему требованіе это нельзя было исполнить.

Чтобъ обезпечить защиту Темиръ-Ханъ-Шуры, собраны были всѣ находящіяся тамъ команды Апшеронскаго полка и другихъ частей, женатые солдаты, мастеровые, и въ случаѣ нужды предписано было воинскому начальнику укрѣпленія вооружить даже выздоравливающихъ нижнихъ чиновъ и всѣхъ безъ изыятія жителей, способныхъ носить оружіе. Рота же, находившаяся въ Агачъ-кале, до времени была оставлена на прежнемъ мѣстѣ и ее предполагалось, смотря по обстоятельствамъ, притянуть къ Шурѣ или въ Аварію.

Шамхалу Тарковскому и правительницѣ Мехтулинскаго ханства предписывалось собрать сколь возможно болѣе милиціи.

30-го августа въ Цатанихъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Ключи-фонъ-Клугенау, сосредоточились слѣдующія части:

Сводный Апшеронскій баталіонъ подъ начальствомъ маіора Зайцева	564	штыка.
Прибывшія изъ Аваріи три роты, подъ начальствомъ маіора Познанскаго	305	—

(*) Подполковникъ Гротенфельдъ везъ съ собою 1,000 зарядовъ и 100,000 патроновъ.

11 и 12-я мушкатерскія роты Апшеронскаго полка, взятая съ работъ	169	штык.
Команда саперъ	78	—
Итого.	1,116	штык.

Артиллерія:

Легкихъ орудій	2.
Горныхъ единороговъ.	2.
Крѣпостныхъ ружей	16.

Очевидно что съ этими средствами атаковать Бетлинскую гору, занятую шести-тысячнымъ скопищемъ, было бы дѣломъ слишкомъ отважнымъ. Посреди грустнаго настроенія духа, порожденнаго неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, генералъ Клугенау писалъ къ князю Аргутинскому отъ 30-го августа: «Унцукульцы и гарнизонъ нашъ еще держатся, но Шамиль овладѣлъ башнею, прикрывающею родникъ, а гарнизонъ выпустилъ всѣ патроны. Я думаю, что онъ сдастся. Съ 1,100 штыковъ я не въ состояніи атаковать Бетлинскую гору, занятую шестью тысячами. Это будетъ новая жертва!»

Такимъ образомъ, вѣсть о паденіи Унцукуля, пришедшая въ Цатанихъ 31-го августа, уже не произвела особеннаго впечатлѣнія. Мы видѣли, что къ ней были приготовлены, что ее ожидали.

Между тѣмъ Шамиль, по овладѣніи Унцукулемъ, отправилъ скопище Хаджи-Мурата въ Аварію. Цѣль его была волновать тамъ народъ, привлекая его на свою сторону одержанными успѣхами, развлекать наши силы и тѣмъ успѣшнѣе исполнить свои предположенія. Соображенія эти были основаны на совершенномъ знаніи обстоятельствъ и характера тогдашнихъ нашихъ дѣйствій, и принесли непріятелю превосходные результаты. Еслибъ Шамиль держалъ всѣ силы свои въ совокупности, мы бы тоже сосредоточились и могли его разбить; но раздробляя свои войска, онъ дѣлался неуловимъ и въ тоже время заставлялъ насъ повсюду испытывать потери.

Съ другой стороны, кажется, суждено было, чтобъ всѣ предположенія генерала Клугенау разстроивались самымъ неожиданнымъ образомъ. Надо припомнить, что еще въ Балаканахъ генералъ Клугенау особенно наказывалъ маіору Косовичу *ни въ какомъ случаѣ не покидать Харачей*; но вдругъ 31-го августа получается отъ него донесеніе слѣдующаго содержанія: «Сегодня въ

4 часа утра, на окрестныхъ высотахъ занимаемаго мною селенія Харачей, показались сильныя непріятельскія партіи; Унцукульское укрѣпленіе взято; съ 210 человекъ нижнихъ чиновъ и находящимися при нихъ милиціонерами (*) я не въ состояніи буду удержать натискъ непріятеля, и поэтому, не угодно ли будетъ вашему превосходительству приказать мнѣ отступить отъ занимаемаго мною пункта». При этомъ, маіоръ Косовичъ присовокупилъ, что будетъ ожидать разрѣшенія генераль-маіора Клугенау.

Убѣдившись въ неспособности маіора Косовича исполнить возложенное на него порученіе, генераль Клугенау, въ тотъ же день, предписалъ командиру 5-й гренадерской роты Апшеронскаго полка капитану Бѣлоусову, вмѣстѣ съ вѣренною ему ротою, слѣдовать въ Харачи на смѣну маіора Косовича, а послѣднему, оставивъ въ распоряженіе Бѣлоусова 8 мингрельскую роту, съ 6 мушкатерскою ротою Апшеронскаго полка прибыть въ Цатанихъ. Въ концѣ предписанія капитану Бѣлоусову, генераль Клугенау говорить: «Должны имѣть въ виду оборонять этотъ пунктъ съ самоотверженіемъ противъ всѣхъ покушеній непріятеля и недумать объ отступленіи; отъ вашей храбрости и распорядительности будетъ зависѣть къ вамъ довѣріе начальства».

Капитанъ Бѣлоусовъ выступилъ изъ Цатаниха въ 2 часа по полудни. Прибывъ въ Моксохъ, онъ узналъ, къ величайшему удивленію, что Косовичъ уже отступилъ въ Балаканы, а Харачи заняты мюридами, въ числѣ 500 человекъ. Не зная, что дѣлать, онъ остановилъ свою роту въ Моксохѣ и обо всемъ донесъ генералу Клугенау.

Получивъ эти извѣстія, командующій войсками, столь много дорожившій удержаніемъ Харачей, далъ предписаніе маіору Зайцеву немедленно выступить съ 1 и 2 гренадерскими и 3 мушкатерскою ротами Апшеронскаго полка изъ Цатаниха въ Моксохъ и, присоединивъ въ послѣднемъ пунктѣ роту Бѣлоусова и три единорога резервной № 2 батареи, *вынять штыками* непріятеля изъ Харачей.

Чтобъ по возможности сосредоточить болѣе силъ для предстоящей атаки Харачей, маіору Косовичу тоже было предписано направиться туда изъ Балаканъ по кратчайшей дорогѣ. Но, какъ увидимъ впослѣдствіи, малодушный Косовичъ не исполнилъ и этого предписанія, и роты его не успѣли въ дѣло.

(*) При немъ были конные Шамхальцы.

Маіоръ Зайцевъ, прибывъ въ Моксохъ поздно вечеромъ 31-го августа, далъ людямъ небольшой отдыхъ. Затѣмъ, въ два часа по полуночи 1-го сентября, онъ выступилъ къ с. Харачамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди слѣдовали 1, 2 и 5 гренадерскія роты; за ними, во второмъ эшелонѣ, три горныхъ единорога резервной № 2-го батареи, подъ прикрытіемъ 3-й мушкатерской роты и шамхальской конной милиціи (*), прибывшей вмѣстѣ съ генераломъ Клугенау. Первый эшелонъ благополучно занялъ гору, не бывъ замѣченъ непріателемъ; но движеніе втораго эшелона съ орудіями, по весьма узкой тропинкѣ, замедлило нѣсколько наступленіе гренадерскихъ ротъ. Въ 4 часа утра занявъ вторымъ эшелономъ высоты, маіоръ Зайцевъ сталъ спускаться къ аулу. Впереди шли охотники, за ними 2-я, 5-я, а въ аррьергардѣ 1-я гренадерскія роты. Несмотря на затруднительный спускъ, войска шли быстро, сохраняя глубокую тишину; но тѣмъ не менѣе только на разсвѣтѣ могли достигнуть селенія; здѣсь непріатель замѣтилъ наступленіе Зайцева и встрѣтилъ пѣхоту дружнымъ залпомъ.

Тогда маіоръ Зайцевъ, оставивъ 1-ю гренадерскую роту въ резервъ и вѣрный приказанію начальника дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, съ остальными двумя ротами, безъ выстрѣла, бросился въ селеніе.

Первый моментъ натиска совершенно ошеломилъ мюридовъ и, очистивъ переднія сакли, они отступили внутрь аула; завязалась общая перестрѣлка. Съ вершины Харачинскаго спуска видно было, какъ линія нашихъ огней, постепенно подаваясь впередъ, охватывала непріателя блестящимъ полукругомъ.

Между тѣмъ разсвѣло совершенно. Мюриды, замѣтивъ нашу малочисленность, опомнились и занявъ сакли и дворики, окруженные каменными стѣнами съ бойницами, приготовились къ упорной защитѣ; на выстрѣлы, раздавшіеся около часа въ селеніи, подбѣжали къ непріателю значительныя подкрѣпленія отъ Унцукуля, и огонь изъ саклей и заваловъ сдѣлался такъ смертоносенъ, что храбрый Зайцевъ и многіе офицеры, бывшіе впереди, пали, пораженные смертельно. Строй, потерявшій своихъ начальниковъ, заколебался.

(*) По оставленіи Харачей Коссовичемъ, Шамхальцы отступили не въ Балаканы, а къ Моксоху, гдѣ и были присоединены къ отряду Зайцева.

Капитанъ Бѣлоусовъ, принявшій послѣ маіора Зайцева начальство, видя, что число непріятеля съ каждою минутою увеличивается, а роты наши, принужденныя штурмовать каждую саклю отдѣльно, понесли уже значительный уронъ, — приказалъ отступать.

Но отступленіе было уже невозможно. При первомъ движеніи назадъ, мюриды бросились со всѣхъ сторонъ въ шашки. Бѣлоусовъ былъ изрубленъ на мѣстѣ въ куски; два офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ, отрѣзанные при общемъ натискѣ, были ранены и захвачены въ плѣнъ.

Находившаяся въ резервѣ 1-я гренадерская рота двинулась впередъ для прикрытія отступающихъ, но въ свою очередь была опрокинута стремительно преслѣдовавшими толпами мюридовъ. Все смѣшалось въ одну общую кучу, посреди неистовыхъ криковъ торжествующаго непріятеля.

По одиначкѣ, едва защищаясь отъ изнуренія, солдаты наши выбирались изъ селенія по крутой извилистой тропинкѣ, единственно руководимые инстинктомъ самосохраненія. Горцы легко ихъ настигали, рубили кинжалами и забирали въ плѣнъ, обезоруживая и тотчасъ же раздѣвая до-нага. На половинѣ подъема отступающіе кое-какъ успѣли собраться въ кучу и прилечь за камнями. Мюриды, видя рѣшимость ихъ защищаться, тотчасъ же прекратили преслѣдованіе.

Вся потеря наша, при атакѣ селенія и во время отступленія, состояла изъ убитыхъ: 1 штабъ-офицера, 10 оберъ-офицеровъ и 117 нижнихъ чиновъ, и раненыхъ 2 оберъ-офицеровъ и 68 нижнихъ чиновъ. Между убитыми было пять прикомандированныхъ на время отъ гвардейскихъ полковъ офицеровъ, небывавшихъ никогда въ дѣлѣ и убѣдительно просившихъ генерала Клугенау доставить имъ случай побывать въ огнѣ.

Число непріятеля въ бою, вмѣстѣ съ прибывшими подкрѣпленіями, по свѣдѣніямъ, превышало 1000 человекъ.

Между тѣмъ, какъ все это происходило, на вершинѣ спуска къ Харачамъ, гдѣ Зайцевъ оставилъ свой второй эшелонъ съ артиллеріею и шамхальскою конницею, сосредоточились прибывшія изъ Балакановъ роты: 6 мушкатерская Апшеронскаго и 8 егерская Мингрельскаго полковъ, подъ начальствомъ маіора Косовича; три роты 1 баталіона Кабардинскаго полка, прибывшія

въ Балаканы наканунѣ поздно вечеромъ (*), и 3-я мушкатерская рота Аншеронскаго полка при трехъ горныхъ орудіяхъ, что все вмѣстѣ, съ остатками отъ трехъ гренадерскихъ ротъ Зайцева, составило 710 штыковъ. Опасность, которой подвергались наши сообщенія чрезъ Балаканское ущелье, еслибъ непріятель успѣлъ туда проникнуть, заставила генерала Клугенау до времени удерживать эти войска на Харачинскомъ хребтѣ. Отрядъ этотъ былъ порученъ генеральнаго штаба подполковнику Пассеку.

Подполковникъ Пассекъ, прибывъ по назначенію, узналъ, что до 500 человекъ непріятельской кавалеріи уже прошли въ Балаканское ущелье, а скопище Шамяля до 10,000 спѣшило вслѣдъ за ними отъ Харачей. Несмотря на это, онъ рѣшился овладѣть дефиле, по которому проходилъ непріятель, и для достиженія цѣли двинулся по Харачинскому хребту. Но это не только не остановило движенія непріятели къ Балаканамъ, а было какъ бы сигналомъ общаго наступленія всего скопища. Угрожаемый атакою съ фронта и на пути своего отступленія, и опасаясь быть подавленнымъ превосходными силами непріятели, подполковникъ Пассекъ немедленно началъ отступать къ Моксоху, обезпечивъ заблаговременно сообщеніе съ этимъ селеніемъ двумя ротами при двухъ горныхъ единорогахъ, и совершилъ обратное движеніе съ потерю 4-хъ нижнихъ чиновъ ранеными.

Въ Моксохѣ подполковникъ Пассекъ занялъ сильную позицію, укрьпивъ ее завалами. Занятіе позиціи при Моксохѣ по его мнѣнію было необходимо по двумъ причинамъ: 1) отступленіе въ виду дерзкаго и многочисленнаго непріятели на вершину Арактау могло сдѣлаться весьма гибельнымъ, тѣмъ болѣе, что при отрядѣ находилось 80 раненыхъ послѣ Харачинскаго дѣла и транспортъ съ артиллерійскими запасами, и 2) отступленіе это могло навести Шамяля на мысль захватить вершину Арактау и тѣмъ уничтожить возможность соединенія слабыхъ силъ, находившихся въ Цатанихѣ, съ ввѣреннымъ ему отрядомъ.

Положеніе дѣлъ было крайне затруднительно.

Быстрые успѣхи Шамяля не замедлили разнестись по Аваріи и произвели въ народѣ волненіе. Аварцы открыто говорили:

(*) Маіоръ Косовичъ выступилъ изъ Балакановъ въ 4 часа утра, 1-го сентября, будучи къ тому настоятельно побуждаемъ капитаномъ генеральнаго штаба Капгеромъ: послѣдній направилъ туда же и три роты Кабардинскаго баталіона.

«Когда ауль въ 800 дворовъ (Унцукуль) не устоялъ противъ Шамиля, то какъ же мы можемъ защищаться, когда у насъ самый сильный ауль имѣеть не болѣе 300 дворовъ?» Болѣе прочихъ шумѣлъ Сіухъ. Измѣна его могла намъ сильно повредить, потому что его примѣру неминуемо послѣдовали бы и другія мелкія деревни, сосѣднія съ нимъ, какъ-то: Шошота, Гоцолокъ, Эбота и Гозолоколо. Тогда бы Ахальчи и Обода, окруженные ими, нѣкоторымъ образомъ очутились бы въ блокадномъ положеніи и въ свою очередь не замедлили бы перейти на сторону непріятеля; въ такомъ случаѣ, изъ всей Аваріи у насъ остался бы одинъ Хунзахъ, изъ котораго жители не смѣли бы и носу показывать.

1-го сентября скопища Хаджи-Мурата въ числѣ 2,000 показались у Цельмеса, а эмиссары его разбрелись по селеніямъ, волнуя жителей. Опасность, угрожаемая Аварской долиной, побудила генерала Клугенау направить туда роты маіора Познанскаго, въ пребываніи которыхъ у Цатаниха болѣе не встрѣчалось надобности. 2-го сентября непріятель появился даже въ окрестностяхъ Хунзаха, но былъ отброшенъ хунзахскою милиціею, поддержанною ротою Тифлискаго полка. Жители Сіуха, Ахальчей, Ободы и Тануса, сохраняя еще наружный видъ покорности, были въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ мюридами.

Движеніе главныхъ силъ Шамиля въ Балаканское ущелье и Кибитъ-Магомы къ Карадахскому мосту грозили прервать сообщенія войскъ съ плоскостію. Почти все населеніе этихъ мѣстъ было въ явномъ возстаніи: Койсубулинскія селенія Шогода, Уркечи, Могохъ и Буцра передались непріятелю; жители Гопатля умоляли нашъ гарнизонъ очистить ихъ селеніе, давая клятву не тревожить насъ при отступленіи; когда же воинскій начальникъ Гопатлинскаго укрѣпленія на-отрѣзъ отказалъ имъ въ этомъ, жители вышли изъ всякаго повиновенія. Дѣйствительно, положеніе Гопатлинцовъ было незавидное: съ одной стороны имъ угрожали Русскіе, занимавшіе ихъ селеніе, съ другой Шамиль, призывавшій всѣхъ во имя Бога на брань и грозившій, въ случаѣ неповиновенія, конечнымъ истребленіемъ.

При такихъ обстоятельствахъ, генераль Клугенау рѣшился на время пожертвовать своими сообщеніями съ Темиръ-Ханъ-Шурою и взамѣнъ того удержатъ за собою Хунзахъ. Онъ рассчитывалъ, что съ сохраненіемъ этого пункта, власть наша въ го-

рахъ, сильно поколебленная послѣдними успѣхами Шамиля, легко можетъ возстановиться, по удаленіи непріятельскихъ скопищъ. Наконецъ, прибытіе баталіоновъ изъ южнаго Дагестана, или самаго князя Аргутинскаго съ отрядомъ, могло дать дѣлу иной оборотъ. И такъ, рѣшившись удерживать Аварію, онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ сосредоточенію войскъ къ Хунзаку. Пунктъ этотъ имѣлъ нѣкоторые запасы въ провіантѣ и снарядахъ, а крѣпкое положеніе его давало возможность держаться до прибытія помощи.

На основаніи этихъ соображеній, генераль Клугенау, въ ночь на 3-е сентября, выступилъ изъ Цатаниха съ 12 мушкатерскою ротою, саперами и шамхальскою милиціею, и занялъ вершину Арактау. Отсюда онъ послалъ приказаніе Пассеку присоединиться къ нему; а чтобы послѣдній, въ случаѣ преслѣдованія непріятеля, не встрѣтилъ затрудненія при движеніи на Арактау, генераль Клугенау выдвинулъ въ Мокрую балку всю свою пѣхоту подъ начальствомъ подполковника Евдокимова. Подполковникъ Пассекъ, немедленно по полученіи приказанія, снялся съ позиціи въ два часа по полуночи и, пользуясь густымъ туманомъ, благополучно прибылъ на Арактау; отсюда соединенные отряды двинулись къ Хунзаку.

Въ Цатанихѣ были оставлены, подъ начальствомъ Апшеронскаго полка капитана Дементьева, 11 мушкатерская рота этого полка и 2 линейная грузинскаго № 13 баталіона. Въ предписаніи Дементьеву было сказано: «Защищайте всѣми силами вѣрный вамъ пунктъ, теперь важный для насъ; сохраняйте сообщеніе съ Моксохомъ посредствомъ разъѣздовъ; ставьте въ ближайшія къ селенію балки караулы отъ гарнизона и жителей; въ случаѣ появленія непріятеля, убѣждайте жителей защищаться. При недостаткѣ приварка, *можете взять у жителей скотъ подъ росписку.*» Пребываніе двухъ ротъ въ Цатанихѣ, по мнѣнію генерала Клугенау, было необходимо по двумъ причинамъ: во-первыхъ, Цатанихское укрѣпленіе прикрывало доступъ въ Аварскую долину, и во-вторыхъ, тамъ находился паркъ, остававшійся отъ экспедиціи 1842 года. Но непріятель, кромѣ Цатаниха, имѣлъ много доступовъ въ центръ Аваріи, а для сбереженія нѣсколькихъ тысячъ патроновъ не стоило жертвовать двумя ротами.

Съ прибытіемъ отряда въ Хунзахъ, Аварцы ободрились и изъявили полную готовность защищаться противъ непріятеля (*), только просили содѣйствія войскъ, безъ чего считали себя не въ силахъ противиться скопищамъ Шамиля. Генераль-маіоръ Клугенау пишетъ, что самая крайняя необходимость заставила его удовлетворить требованіямъ Аварцевъ, и онъ приказалъ сводному егерскому баталіону (***) и саперамъ, при четырехъ единорогахъ, занять селеніе Ободу, откуда удобно было поспѣвать на помощь ко всѣмъ аварскимъ селеніямъ, лежащимъ на сѣверо-западъ отъ Хунзаха. Въ Ахальчахъ онъ оставилъ маіора Познанскаго, съ тремя ротами Апшеронскаго и девятью Тифлискаго полковъ. Затѣмъ въ Хунзахъ приступлено было къ сформированію баталіона въ 700 штыковъ, изъ разстроенныхъ ротъ Апшеронскаго полка.

Въ Хунзахѣ генераль Клугенау получилъ наконецъ извѣстіе о помощи изъ южнаго Дагестана. Князь Аргутинскій писалъ ему отъ 31 августа: «Два баталіона, просимые вами, я не могъ рѣшиться послать въ Аварію, потому что имъ пришлось бы слѣдовать посреди возставшаго населенія. Но взамѣнъ того я самъ съ отрядомъ двинулся чрезъ Чохъ и Руджу на Тилитль. Этимъ движеніемъ я надѣюсь привлечь на себя скопище Шамиля и тѣмъ облегчить васъ. На сообщеніяхъ своихъ съ Самуромъ я оставляю три роты въ Кумухѣ и двѣ роты въ Чирахѣ.»

Получивъ это увѣдомленіе, генераль Клугенау написалъ къ воинскому начальнику Гоцатлинскаго укрѣпленія, отъ 4-го сентября: «Къ намъ идутъ подкрѣпленія изъ Казикумуха. Ободряйте жителей: говорите имъ, что въ случаѣ измѣны имъ предстоитъ конечное раззореніе. Посылаю вамъ 1,500 патроновъ, провіанта на мѣсяцъ и комплектъ снарядовъ для орудія. Удерживайте пунктъ непремѣнно.»

Въ этихъ обстоятельствахъ, генераль Клугенау крайне заботился о сохраненіи Гоцатля, какъ единственнаго теперь сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурою и дававшего ему возможность войти въ связь съ южнымъ Дагестаномъ.

(*) Все это было ложно и они по прежнему продолжали сноситься съ Хаджи-Муратомъ, впрочемъ за исключеніемъ жителей Хунзаха.

(**) Три роты 1 Кабардинскаго баталіона и 8 егерская рота Мийгрельскаго полка, — всего 430 штыковъ.

Для охраненія плоскости отъ вторженій непріятели, по неимѣнню тамъ войскъ, какъ уже было сказано, было сдѣлано распоряженіе о сборѣ милиціи въ шамхальствѣ и Мехтулинскомъ ханствѣ. Отъ 3-го сентября получены были извѣстія отъ шамхала, что имъ собрано 1,500 милиціи, которая была расположена слѣдующимъ образомъ : въ Арганаѣ 1,000 человекъ, на Каранаѣ 400 и въ Бурундукъ-кале 100 человекъ; мехтулинская милиція, бывшая тоже подъ его начальствомъ, сосредоточилась частію у Гергебиля и въ окрестностяхъ, частію у Ирганая и Зыряновъ.

Для защиты собственно Темиръ-Ханъ-Шуры, кромѣ трехъ ротъ Апшеронскаго полка, были собраны и вооружены всѣ находившіяся тамъ команды и даже часть выздоравливающихъ нижнихъ чиновъ; опасались, чтобы Шамиль изъ Балаканскаго ущелья не бросился на этотъ пунктъ. Между тѣмъ, далеко отъ главнаго театра дѣйствій, въ Гимрахъ, оставалась еще одна рота Апшеронскаго полка совершенно безъ пользы; когда же пронесся слухъ, будто Шамиль намѣренъ туда обратиться, генералъ Кругенану писалъ командиру Апшеронскаго полка, полковнику Майбородѣ, отъ 5 сентября: «говорятъ, будто Шамиль приказалъ исправить мостъ у Гимръ. Выведите оттуда гарнизонъ, если представится возможность, и озаботьтесь защитой плоскости со стороны Эрпели и Караная.»

Сдѣлавъ эти распоряженія, командующій войсками оставался спокойнымъ зрителемъ событій, которыя съ невѣроятною быстротою совершались вокругъ него. Положеніе, въ которое поставили его обстоятельства, было вполне безвыходное.

2 сентября Шамиль сосредоточилъ свои скопища въ Балаканскомъ ущельи, и въ тотъ же день обложилъ Балаканское укрѣпленіе.

Укрѣпленіе это, выстроенное на роту, было одно изъ самыхъ худшихъ. Верки его сдѣланы непрочно и не были дефилированы отъ окружающихъ высотъ. Помѣщенія для гарнизона грозили скорымъ разрушеніемъ; потолочныя балки растрескались и удерживались отъ паденія подпорками (*). Гарнизонъ Балаканскаго укрѣпленія состоялъ изъ 5 мушкатерской роты Апшерон-

(*) Изъ отчета, представленнаго капитаномъ гегеральнаго штаба Невѣровскимъ, командированнымъ въ началѣ 1843 года для осмотра укрѣпленій съвернаго и нагорнаго Дагестана.

скаго полка и команды мастеровыхъ, только что прибывшей изъ Темиръ-Ханъ-Шуры для работъ въ аварскихъ укрѣпленіяхъ, и задержанной тамъ по военнымъ обстоятельствамъ; всего около 150 штыковъ подъ начальствомъ Апшеронскаго полка поручика Доманскаго.

Еще 1 сентября вечеромъ жители села Балаканы разбѣжались и остался одинъ только старшина селенія, который убѣждалъ воинскаго начальника выступить изъ укрѣпленія въ Зырянны, предвѣщая гарнизону дурныя послѣдствія; но поручикъ Доманскій не хотѣлъ самовольно очистить вѣренный ему постъ и рѣшился защищаться тамъ до послѣдней крайности.

2 сентября, Шамиль выдвинулъ бывшее съ нимъ единственное орудіе противъ укрѣпленія и, обстрѣлявъ его, направилъ многочисленныя толпы горцевъ на приступъ. Но храбрый гарнизонъ, встрѣтивъ залпомъ штурмующія колонны, отбросилъ ихъ штыками, при чемъ нѣсколько человѣкъ, наиболѣе отчаянныхъ мюридовъ, успѣвшихъ ворваться въ самое укрѣпленіе, были тутъ же переколоты до одного. Это значительно ободрило осажденных и они, залегая за наружную оградою, съ успѣхомъ отвѣчали на огонь непріятеля, а артиллеристы дѣйствовали такъ удачно, что къ вечеру подбили непріятельское орудіе и заставили его сняться съ позиціи.

Въ ночь на 3 сентября непріятель скрытно заложилъ батарею изъ двухъ прибывшихъ къ нему орудій и на разсвѣтѣ открылъ огонь. Вскорѣ въ одномъ фасѣ укрѣпленія была сдѣлана брешь и сбито орудіе съ барбета. Открывъ себѣ входъ въ укрѣпленіе, непріятель сосредоточилъ сильный ружейный и артиллерійскій огонь противъ его внутренности. Поручикъ Доманскій былъ тяжело раненъ; большая часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ тоже. Обезсиливъ гарнизонъ двѣнадцати-часовою неумолкаемою канонадою, непріятель, около третьяго часа по полудни, снова бросился на штурмъ и овладѣлъ укрѣпленіемъ. Большая часть гарнизона, преимущественно же больные и раненые нижніе чины, была перерѣзана, остальные захвачены въ плѣнъ.

Шамиль, осмотрѣвъ приведенныхъ къ нему плѣнныхъ, защитниковъ Балаканскаго укрѣпленія, раздѣлил ихъ на двѣ части: офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, барабанщиковъ, сигнализ-

товъ и мастеровыхъ взялъ себѣ, а прочихъ роздалъ набатъ. Пѣнные офицеры были отправлены въ Дарго (*).

Въ Балаканскомъ укрѣпленіи достались непріятелю: часть провіанта, патроновъ, зарядовъ и два орудія: 6 фунтовая пушка и 6 фунтовая мортирка.

По овладѣніи Балаканскимъ укрѣпленіемъ, Шамиль тотчасъ же отдѣлилъ часть партіи къ Зырянамъ, приказавъ ей непускать Русскихъ въ Балаканское ущелье, тревожить гарнизонъ Зырянскаго укрѣпленія и вмѣстѣ съ тѣмъ испортить, сколько возможно, дорогу между Балаканами и Зырянами, перерѣзавъ ее въ удобныхъ мѣстахъ завалами.

4-е сентября Шамиль пробылъ у Балакановъ, давая отдыхъ своимъ толпамъ, а въ ночь на 5 окружилъ Моксохскую башню и устроивъ за завалами батарею на полужуежный выстрѣлъ, открылъ изъ нея сильный огонь. Вскорѣ орудіе на башнѣ (1/4 пудовый единорогъ) было подбито, а къ вечеру того же дня разрушенъ верхній этажъ и повреждена часть нижняго. Гарнизонъ, состоявшій всего изъ 25 человекъ нижнихъ чиновъ, не имѣя возможности долѣе сопротивляться, сдался Шамилю.

6-го сентября скопище потянулось къ Цатаниху.

Старое укрѣпленіе при Цатанихѣ разломали, а стѣны новаго успѣли возвести только до половины, поэтому гарнизонъ его, состоявшій изъ двухъ ротъ, въ числительности 180 штыковъ, былъ помѣщенъ въ одной изъ частей аула. Эту часть аула капитанъ Дементьевъ, по приказанію генерала Клугенау, обнесъ завалами и приступилъ уже къ устройству редута, какъ появленіе непріятельскихъ скопищъ прекратило работы. Цатанихъ лежитъ въ глубокой трущобѣ и командуется со всѣхъ окрестныхъ высотъ.

Воинскій начальникъ, Апшеронскаго полка капитанъ Дементьевъ, человекъ довольно преклонныхъ лѣтъ, принадлежалъ къ исчезнувшимъ уже нынѣ типамъ старыхъ воиновъ. Съ ограниченными понятіями, грязный, любившій придерживаться чарочки, онъ, подъ грубой оболочкой, таилъ энергію мужественную, сердце горячее и рѣшительное. До сихъ поръ военное поприще его протекало мирно и, выслуживъ пенсіонъ, онъ подалъ въ от-

(*) Никто изъ взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ не вернулся назадъ; всѣ они погибли въ Дарго въ 1845 году смертію мучениковъ.

ставку, но событія 1843 года неожиданно увлекли его въ общій коловоротъ.

По отбытіи генерала Клугенау изъ Цатаниха, Дементьевъ вдругъ покидаетъ прежнія привычки и украшаетъ свои послѣдніе дни подвигами истиннаго геройства. До того времени ходившій замарашкою и почти никогда не брѣясь, теперь, какъ будто предчувствуя катастрофу, онъ тщательно исправляетъ свой туалетъ, надѣваетъ новый сюртукъ и сотворивъ теплую молитву передъ маленькимъ образкомъ, благословеніемъ родительскимъ, съ которымъ никогда не разставался, является передъ гарнизономъ.

«Ребята, сказалъ онъ: — оставляя васъ здѣсь, генераль надѣялся, что вы будете вести себя молодцами, отстоите крѣпость, или умрете до одинаго и тѣмъ исполните свой воинскій долгъ, какъ подобаеть истиннымъ и вѣрнымъ слугамъ нашего Великаго Государя.

«Какъ начальникъ вашъ, я умру послѣднимъ; но не изъ трусости, а чтобъ посмотрѣть на того, кто осмѣлится меня пережить. Быть можетъ скоро и къ намъ пожалуетъ Шамилъ; но знайте, что помощи ждать намъ не-откуда: вы видите, въ какомъ мы захолустьи, а на жителей надежда пуха. И такъ, встрѣтимъ дорогаго гостя какъ мы его всегда встрѣчали, мѣткой пулей и молодецкимъ штыкомъ. Братцы! будемъ драться на смерть, устоимъ или ляжемъ до одинаго!»

Единодушно е ура, раздавшееся въ рядахъ, было отвѣтомъ на эти геройскія слова.

6-го сентября, часу въ 10-мъ утра, на окрестныхъ высотахъ Цатаниха появились передовыя партіи непріятеля подъ начальствомъ Шуаибъ-муллы. Жители тотчасъ же измѣнили намъ и не только не задержали непріятеля, но даже помогли ему овладѣть укрѣпленной частью селенія, вблизи которой былъ помѣщенъ паркъ. Измѣна ихъ, поставивъ гарнизонъ въ отчаянное положеніе, между двухъ огней, принудила его очистить аулъ и расположиться лагеремъ въ недостроенной части новаго укрѣпленія.

Едва роты успѣли размѣститься на новой позиціи, какъ непріятель, пріобрѣтя передачею аула на его сторону возможность маскировать свои движенія, бросился на приступъ, но былъ отбитъ. Эта первая неудачная попытка, стоившая значительной потери, заставила его до прибытія орудій ограничиваться пере-

стрѣлкой, мало наносившей намъ вреда. Въ пятомъ часу по полудни непріятель вовсе прекратилъ огонь и расположился на ночлегъ; тѣмъ временемъ Дементьевъ успѣлъ кое-какъ окопаться и устроить барбетную батарею. Находившаяся во ста шагахъ отъ лагеря башня, съ 12 человѣками гарнизона, содѣйствовала, хотя и весьма слабо, общей оборонѣ позиціи.

Между тѣмъ, къ непріятелю безпрерывно подходили подкрѣпленія и скопище его наполнило весь аулъ и устѣяло окрестныя высоты; вмѣстѣ съ тѣмъ прибыли везомыя на рукахъ три орудія. Вся ночь на 7-е число была употреблена на устройство батареи и заваловъ, откуда бы можно было, безвредно для себя, дѣйствовать по нашей позиціи.

Съ разсвѣтомъ, 7-го сентября, непріятель со всѣхъ сторонъ открылъ жестокой ружейный и артиллерійскій огонь, и ободряемый личнымъ присутствіемъ Шамиля, нѣсколько разъ бросался на приступъ. Но гарнизонъ, руководимый храбрыми капитаномъ Дементьевымъ и поручикомъ Вадарскимъ, несмотря на свои потери, не колебался, а картечь нашихъ двухъ орудій значительно рѣдила непріятельскія толпы. Къ полудню, отъ неумолимаго ни на минуту огня и частыхъ атакъ, потери съ обѣихъ сторонъ были весьма значительны. У непріятеля, по увѣренію его самого, выбыло изъ строя до 500 человѣкъ, у насъ на позиціи едва оставалось до 80 человѣкъ, которые, ставъ по сторонамъ батареи, готовились умереть до единого. Тогда Шамиль предложилъ Дементьеву сдаться, но встрѣтилъ отказъ. Еще болѣе раздраженный этимъ упорствомъ, чѣмъ своими потерями, онъ поклялся, что готовъ еще пожертвовать пятьюстами своихъ лучшихъ мюридовъ, чтобы овладѣть нашимъ укрѣпленіемъ и жестоко наказать Русскихъ.

Часу во второмъ пополудни, Шамиль приказалъ перевести два орудія въ аулъ, откуда имъ было гораздо удобнѣе дѣйствовать по нашей батарее. Вскорѣ огонь ихъ истребилъ всю артиллерійскую прислугу и Дементьевъ самъ бросился съ банникомъ въ рукахъ къ орудію, какъ новый выстрѣлъ опрокинулъ единорогъ и контузилъ храбраго капитана. На батарее произошло минутное замѣшательство; замѣтивъ его, мюриды со всѣхъ сторонъ бросились въ шашки и послѣ краткой рукопашной схватки истребили всѣхъ до единого.

Затѣмъ непріятель легко разрушилъ верхній этажъ башни и овладѣлъ оставшимися тамъ въ живыхъ семью нижними чинами.

Шамиль торжествовалъ эту новую побѣду, купленную имъ дорогою цѣною. Трофеями его были два орудія — четверть-пудовый единорогъ и шестифунтовая пушка и весь паркъ, сохраненіемъ котораго такъ дорожилъ генералъ Клугенау. Всѣ защитники Цатаниха, за исключеніемъ десяти человекъ нижнихъ чиновъ, пали, и тѣла ихъ Шамиль приказалъ сжечь, что, по понятіямъ мусульманъ, считается высшей степенью позора. Но этотъ позоръ былъ купленъ геройскою защитою, память о которой и до сихъ поръ живетъ въ разсказахъ горцевъ о молодцѣ капитанѣ и о храбромъ гарнизонѣ Цатаниха.

Овладевъ Цатанихомъ, Шамиль со всѣмъ скопищемъ двинулся къ Танусу, жители котораго вышли къ нему на встрѣчу съ изъявленіемъ безусловной покорности. Но еще за два или за три дня вся Аварія почти открыто приняла его сторону, что доказываетъ поступокъ жителей селенія Обода, которые, будучи поджигаемы Хаджи-Муратомъ, ночью 5-го сентября измѣнически атаковали войска, находившіяся въ ихъ селеніи подъ начальствомъ подполковника Гротенфельда. Гротенфельдъ успѣлъ, однакожъ, выступить изъ аула съ потерей 20 человекъ и, занявъ крѣпкую позицію въ виду селенія, держался въ ней до разсвѣта противъ Ободинцевъ, подкрѣпленныхъ партией мюридовъ изъ Тануса, прибывшей туда тотчасъ по взятіи Моксоха, и о появленіи которой Танусцы скрыли.

Измѣна двухъ аварскихъ селеній, показавшая, какъ мало слѣдовало имъ довѣрять, ставила войска наши въ опасное положеніе, надобно было спѣшить ихъ сосредоточеніемъ къ Хунзаху. На разсвѣтъ 6-го сентября генералъ Клугенау двинулъ подполковника Пассека съ хунзахскою милиціею, приказавъ ему соединить баталіоны Познанскаго и Гротенфельда и слѣдовать съ ними въ Хунзахъ.

Подполковникъ Пассекъ, прибывъ къ сводному егерскому баталіону, занялъ крѣпкую позицію, противъ партіи Хаджи-Мурата, находившейся въ Ободѣ, а кавалерію направилъ къ Ахальчи для связи съ маіоромъ Познанскимъ.

Маіоръ Познанскій, согласно приказанію командующаго войсками, оставилъ взводъ 9 егерской роты Тифлисскаго полка подъ начальствомъ прапорщика Залетова, юнаго негодяя, въ Ахальчинскомъ укрѣпленіи, и взявъ находившійся тамъ 10-ти фунтовый горный единорогъ, присоединился къ отряду подполковника Пассека. Послѣ чего войска снялись съ позиціи и благополучно

прибыли въ Хунзахъ, потерявъ всего 7 человѣкъ ранеными. Хаджи-Муратъ занялъ Тануса.

Занятіе Ахальчинскаго укрѣпленія было новою важною ошибкою, ничѣмъ не оправдываемою. Если опасались за баталіонъ Познанскаго, то какимъ образомъ могъ держаться одинъ взводъ тамъ, гдѣ мало было цѣлаго баталіона! Да и къ чему могло вести занятіе одного пункта, потерявшаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ свое значеніе?

Потеря Тануса грозила прервать единственную связь Хунзаха съ плоскостію чрезъ Гоцатъ и Гергебиль. Чтобъ обезпечить этотъ путь, генералъ Клугенау направилъ 7-го сентября правителя Аваріи, маіора князя Орбеліани, съ милиціею, къ селеніямъ Батланчу и Геничутлю, чтобъ вытребовать отъ жителей аманатовъ и тѣмъ удержать ихъ отъ измѣны; для поддержанія милиціи князя Орбеліани, былъ двинутъ баталіонъ маіора Познанскаго. Жители Батланча, послѣ нѣкотораго колебанія, открыли по милиціи огонь; на выстрѣлы къ нимъ подоспѣлъ Хаджи-Муратъ съ нѣсколькими конными; между тѣмъ значительныя непріятельскія партіи потянулись отъ Тануса къ Геничутлю. Опасаясь за посланныя войска, генералъ Клугенау приказалъ подполковнику Пассеку поспѣшить вслѣдъ за ними съ своднымъ егерскимъ баталіономъ. Пассекъ, выйдя на легкѣ, скоро настигъ Познанскаго и милицію, и присоединивъ ихъ къ себѣ, отступилъ къ Хунзаху съ незначительною перестрѣлкою.

6-го числа утромъ были слышны выстрѣлы со стороны Куды и это ободрило всѣхъ; но 7-го числа разнесся слухъ, что Самурскій отрядъ отступилъ къ Чоху.

Между тѣмъ Хаджи-Муратъ, освѣдомившись о беззащитномъ положеніи гарнизона въ Ахальчинскомъ укрѣпленіи, по приказанію Шамиля, 7-го сентября, быстро передвинулся туда изъ подъ Тануса и Геничутля и, окруживъ укрѣпленіе, потребовалъ сдачи. Испуганный Залетовъ, имѣя всего подъ ружьемъ 70 человѣкъ, поспѣшилъ отворить ворота и положить оружіе. Хаджи-Муратъ обласкалъ Залетова, обѣщая ему за это большія милости Шамиля.

8-го сентября, всѣ силы Шамиля сосредоточились на Геничутльскихъ высотахъ; сюда же прибыли Кибитъ-Магома отъ Карадахскаго моста и Хаджи-Муратъ отъ Ахальчей. Общая численность непріятельскаго скопища опять доходила до 10,000

пѣшихъ и конныхъ; мы же у Хунзаха едва имѣли 2,000 штыковъ.

Кромѣ Хунзаха и Зыряновъ, оставалось еще Гочатлинское укрѣпленіе, занятое 8 егерскою роткою Тифлисскаго полка, подъ начальствомъ капитана Кузменко.

Гочатлинское укрѣпленіе, расположенное на важномъ стратегическомъ пунктѣ, вовсе не удовлетворяло своему назначенію. Въ немъ помѣщалось свободно только 40 человекъ; остальная часть роты занимала большой домъ въ селеніи Гочатлѣ, отстоявшій отъ укрѣпленія на версту. Въ случаѣ измѣны жителей, послѣдняя часть гарнизона становилась въ крайне затруднительное положеніе и ей предстояло или быть блокированной жителями, или, очистивъ селеніе, держаться въ открытомъ полѣ.

Еще въ первыхъ числахъ сентября, когда быстрые успѣхи Шамиля произвели всеобщее волненіе умовъ, честные Гочатлинцы упрощивали капитана Кузменко оставить ихъ селеніе. Они говорили ему: «Капитанъ! что ты здѣсь дѣлаешь; уйди отсюда, пока есть время; мы не хотимъ твоей крови, а придетъ Кибить-Магома или Шамиль, мы ему сдадимся. Посмотри, все перешло на его сторону, а развѣ одно бѣдное селеніе можетъ держаться противъ могущественнаго имама?» Объ этомъ Кузменко донесъ генералу Кругену, испрашивая его наставленія, и получилъ положительный приказъ не оставлять пункта ни въ какомъ случаѣ. Тогда храбрый капитанъ, при помощи старшины селенія Ашахана, снова пытался увѣщевать жителей защищаться; но они уклончиво отвѣчали ему, что не намѣрены держаться ничьей стороны, а останутся въ бездѣйствіи. Отвѣтъ этотъ убѣдилъ окончательно капитана Кузменко, что на жителей ни въ какомъ случаѣ нельзя полагаться, а по этому 5-го сентября онъ вывелъ изъ селенія находившуюся тамъ часть роты и помѣстилъ ее около укрѣпленія, прикрывъ наскоро сложенными завалами.

10-го сентября Шамиль направилъ Кибить-Маготу для овладѣнія этимъ послѣднимъ пунктомъ, дававшимъ намъ возможность сообщаться съ плоскостію. Прибывъ къ Гочатлю съ 4,000 скопищемъ и усиливъ себя присоединившимися къ нему жителями, Кибить-Магома обложилъ укрѣпленіе, поставивъ на высотѣ противъ него два орудія. Несмотря на сильный ружейный и артиллерійскій огонь, гарнизонъ не покидалъ оружія. Вечеромъ 10-го числа Кибить-Магома предложилъ воинскому начальнику

укрѣпленія сдаться. Одинъ изъ жителей селенія, Кибить-Нуръ Магома рассказывалъ, будто бы Залетовъ былъ облеченъ этимъ предложеніемъ и, подѣхавъ къ укрѣпленію на ружейный выстрѣлъ, увѣщевалъ Кузменко положить оружіе, присовокупивъ при этомъ, что уже всѣ наши укрѣпленія въ Аваріи и Койсубу уничтожены и не многимъ защитникамъ удалось спастись. Но храбрый капитанъ отвѣтилъ ему: «что онъ будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока живъ генералъ Клугенау и существуетъ Хунзахъ; что даже въ случаѣ паденія послѣдняго, онъ не сдастся, исполняя тѣмъ долгъ службы и присяги». Вслѣдъ за симъ раздавшіеся выстрѣлы изъ укрѣпленія заставили удалиться молодого измѣнника.

Тогда въ ночь на 11-е число Кибить-Магома приказалъ заложить батарею на ружейный выстрѣлъ отъ укрѣпленія. Утромъ 11-го числа дѣйствіемъ ея было подбито наше единственное орудіе ($\frac{1}{4}$ пудовый единорогъ) и сдѣлана брешь, которую гарнизонъ тотчасъ же заложилъ мѣшками съ провіантомъ. Къ 4-мъ часамъ по полудни непріятель успѣлъ сдѣлать еще двѣ бреши и бросился на приступъ. Послѣ отчаянной рукопашной схватки, часть гарнизона, вмѣстѣ съ своимъ капитаномъ, пала, и Кибить-Магома овладѣлъ Гоцатлемъ.

Съ паденіемъ Гоцатля прервалось единственное наше сообщеніе съ плоскостію. Положеніе отряда въ Хунзахѣ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ торжествующимъ непріателемъ, было самое безнадежное. Провіанту тамъ оставалось на одинъ мѣсяць, соли на недѣлю, снарядовъ и патроновъ весьма мало; въ случаѣ блокады, войска, занимавшія цитадель, легко могли быть отрѣзаны отъ воды. Вся Аварія отложила и самые жители Хунзаха удерживались отъ измѣны единственно нашими войсками (письмо генерала Клугенау къ полковнику Майбородѣ отъ 10-го сентября).

Въ ожиданіи какой нибудь помощи со стороны плоскости, предположено было держаться въ Хунзахѣ до послѣдней крайности, и для этого приступили къ укрѣпленію его. Въ пространствѣ между башнями, окружавшими съ одной стороны селеніе, была возведена каменная стѣнка въ $6\frac{1}{2}$ футовъ высоту; за нею размѣстились стрѣлки, поддерживаемые линіею маленькихъ резервовъ. Въ ближайшихъ къ наружной оградѣ сакляхъ продѣлали бойницы, а свободное пространство между ними обнесли завала-

ми. Всю имѣвшуюся у жителей въ излишкѣ соль скупили; дача провіанта была уменьшена полуфунтомъ сухарей; замѣнъ того мяса отпускалось ежедневно по фунту на человѣка, потому что скота въ селеніи оказалось въ достаточномъ количествѣ, который и былъ забранъ у жителей подъ росписку; на десять дней было нафуражировано сѣно. Готовились къ упорной защитѣ.

Съ своей стороны, Шамиль, посылая набовъ для овладѣнія Ахальчинскимъ и Гоцатлинскимъ укрѣпленіями, не оставался въ бездѣйствіи.

Послѣ паденія Цатаниха, всѣ койсубулинскія селенія на лѣвомъ берегу Аварской Койсу признали его власть. Отправленная имъ партія мюридовъ въ Танусъ изъ-подъ Моксоха успѣла привлечь на его сторону нѣкоторыя аварскія селенія; остальные еще колебались. Но съ прибытіемъ въ Танусъ, все, кромѣ Хунзаха, ему покорилось. Принявъ депутатовъ отъ Аваріи, Шамиль объявилъ имъ, что не имѣетъ намѣренія наказывать и раззорять правовѣрныхъ, а пришелъ только освободить ихъ землю отъ Русскихъ. Онъ знаетъ, что многіе изъ Аварцевъ повиновались Русскимъ только изъ боязни, не имѣя возможности противъ нихъ защищаться, теперь же, принимая ихъ подъ свое покровительство, онъ смотритъ на нихъ, какъ на настоящихъ мусульманъ, и не желаетъ имъ причинять никакого вреда. Пусть они свободно выгоняютъ свои стада къ Тлоху и на Арактау и не одинъ изъ мюридовъ не осмѣлится до нихъ дотронуться.

Вѣсть о привѣтствіи Шамиля быстро разнеслась по Аваріи, и всѣ Аварскія селенія, за исключеніемъ Хунзаха, отправили къ нему депутатовъ. Шамиль принялъ и вторую депутацію благосклонно, присовокупивъ, однакожь, что для большей увѣренности онъ придержится обычаю и возьметъ аманатовъ. Аварцы, выдавъ аманатовъ изъ лучшихъ семей и отогнавъ свои стада къ Тлоху и на Арактау, совершенно предалися Шамилю и вѣрили его словамъ, не предвидя участи, ихъ ожидавшей.

Увеличивъ силы свои измѣнившими намъ Аварцами, Шамиль все-таки не рѣшился овладѣть Хунзахомъ, а расположился частію въ Танусъ, а частію между Гонокомъ и Чондатлемъ. Ни настоятельныя требованія Хаджи-Мурата, ни просьбы Аварцевъ не могли убѣдить его отважиться на это предпріятіе. Аварцы прямо ему говорили, что необходимо уничтожить Хунзахъ, иначе Русскіе постоянно въ немъ будутъ держаться. Они даже вызывались

идти на приступъ впереди мюридовъ, чтобъ показать готовность служить Шамилю. Но онъ рѣшительно отвергнулъ ихъ предложенія. Какія жь были причины, побудившія Шамиля къ этому бездѣйствию?

Во-первыхъ, Хунзахъ былъ достаточно сильно укрѣпленъ, чтобъ противиться открытой силѣ, имѣлъ болѣе 3,000 гарнизона (считая съ жителями) и 10 орудій. Для продолжительной осады, Шамиль не имѣлъ нивремени,—онъ зналъ, что не нынче, завтра подойдетъ туда Самурскій отрядъ,—ни средствъ, потому что у него не было въ готовности болѣе 3-хъ орудій. Въ случаѣ неудачи, онъ рисковалъ потерять не только всѣ плоды своей прекрасной компаніи, но, быть можетъ, и значительную часть власти. Умы горцевъ въ высшей степени переменчивы и достаточно одной удачи, чтобъ приобрѣсть надъ ними вліяніе, точно также, какъ одно пораженіе неминуемо влечетъ къ потерѣ этого вліянія. Вспомнимъ только, какъ народъ легко покинулъ Кази-муллу послѣ хунзахскаго пораженія; разбитіе Гамзатъ-бека подъ Цудахаромъ повлекло за собою отпаденіе большей части обществъ и самую смерть его. Точно также будь теперь разбитъ Шамиль, противъ него тотчасъ же возстали бы Аварцы, Койсубулинцы, быть можетъ Гумбетовцы и Андійцы, и тогда всѣ жертвы и усилія, принесенныя имъ въ теченіе описаннаго времени компаніи, пропали бы даромъ. Эти обстоятельства и знаніе народнаго характера заставили его быть крайне осторожнымъ и отваживаться только на такія дѣла, гдѣ онъ предвидѣлъ вѣрный успѣхъ. При томъ же, онъ надѣялся заставить насъ очистить Хунзахъ и не штурмуя его; точно также, какъ онъ не обращалъ вниманія на гарнизоны наши, бывшіе на правомъ берегу Аварской Койсу, въ Зырянахъ, Ирганаѣ и Гимрахъ (*), имѣя въ виду болѣе обширный планъ, обѣщавшій ему также не менѣе положительныя результаты.

Обложеніе Хунзаха шамилевскими скопищами было послѣднимъ испытаніемъ для войскъ сѣвернаго Дагестана въ этотъ періодъ компаніи. Помощь была близка: 13-го сентября Самурскій отрядъ, подъ начальствомъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго, войдя на Гоцатлинскія высоты, спѣшилъ въ Аварскую долину.

(*) Многіе увѣряютъ, что Шамиль не предпринималъ ничего противъ Гимръ единственно изъ уваженія, которое онъ питалъ къ мѣсту своего рожденія.

По пока остановимся на этомъ, и бросимъ бѣглый взглядъ на рядъ совершившихся событій.

Разсматривая ихъ безпристрастно, нельзя не отдать полной справедливости искусству, энергій и быстротѣ, обнаруженныхъ Шамилемъ въ этотъ періодъ компаніи. Дѣйствуя въ началѣ съ величайшею осторожностію и имѣя въ виду единственно наказаніе Унцукуля, онъ, благодаря стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ, покидаетъ второстепенную цѣль для болѣе обширнаго плана, выполненіе котораго было возможно именно въ эту минуту. Это умѣнье воспользоваться во-время своимъ положеніемъ и составляетъ одну изъ высшихъ способностей предводителя, въ какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни былъ, какими бы войсками ни командовалъ.

Понимая важность вліянія перваго успѣшнаго начала на весь ходъ остальнаго, Шамиль обнаруживаетъ замѣчательную настойчивость при взятіи Унцукуля. Онъ не колеблется пожертвовать тысячею лучшихъ своихъ воиновъ, чтобъ восторжествовать въ началѣ и тѣмъ приготовить себѣ дальнѣйшіе успѣхи. Рѣшимость тѣмъ болѣе рѣдкая, что ничто такъ не охлаждаетъ горцевъ ко всякому предпріятію, ничто не производитъ столь дурнаго впечатлѣнія на народъ, какъ громадность потери, и Шамиль отлично зналъ это. Онъ наносилъ намъ удары съ замѣчательною послѣдовательностію: по взятіи Унцукуля, онъ быстро перенесся на наши сообщенія и овладѣлъ, одно за другимъ, беззащитными укрѣпленіями. Слѣдствіемъ этихъ искусныхъ дѣйствій оказались результаты, о которыхъ самъ непріятель не смѣлъ мечтать. Въ теченіе двухъ недѣль истреблено слишкомъ одиннадцать ротъ, главный отрядъ — единственная опора края, поставленъ въ безвыходное положеніе и вся нагорная часть Дагестана потеряна. Трудно представить себѣ, чтобы подобныя дѣйствія могли быть исполнены удачливѣе и обдуманнѣе.

Чтобъ еще болѣе оцѣнить таланты Шамиля, надо знать средства, которыя были въ его рукахъ. И дѣйствительно, начальству надъ толпами горцевъ, незнакомыхъ съ дисциплиною, своевольныхъ, робкихъ и малодушныхъ при первой неудачѣ и болѣе готовыхъ уклониться и встрѣтить врага изъ-за угла, чѣмъ лицомъ къ лицу, Шамиль сумѣлъ ихъ организовать и совершенно подчинить своей волѣ. Дѣйствуя то страхомъ, то обѣщаніями, возбуждая то фанатизмъ, то чувство корысти, онъ достигъ того, что скопища его выдерживали по нѣскольку отчаян-

ныхъ штурмовъ и восторжествовали надъ преградами, хотя въ сущности и слабыми, но до тѣхъ поръ считавшимися неодолимыми для горцевъ.

Съ другой стороны, дѣйствія наши въ Аваріи, достойныя уваженія въ своихъ подробностяхъ, были лишены единства, предпріимчивости и умѣнья изворачиваться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Движеніе Веселицкаго къ Унцукулю ничѣмъ не оправдывается, кромѣ какъ неопытностію и опромѣтчивостію. Онъ долженъ былъ знать, что Шамиль не можетъ взять крѣпкій Унцукуль въ одинъ день и что нельзя пробиться чрезъ огромное скопище съ 350 штыками. Движеніе это было внушено эгоизмомъ, противнымъ характеру воинской службы, а слѣдовательно и самому успѣху. О малодушіи Косовича не стоитъ и говорить.

Торопливость, съ которою былъ посланъ маіоръ Зайцевъ, помѣшала стянуть достаточное число войскъ для овладѣнія Харачами. Если находили невозможнымъ сосредоточить для этого достаточно сильный отрядъ, полагая тѣмъ раскрыть свои намѣренія, то лучше было бы вовсе оставить Харачи.

Послѣ паденія Унцукуля и неудачнаго штурма Харачей, генералу Кругену слѣдовало тотчасъ же очистить Цатанихъ, Моксохскую башню и Балаканы, гдѣ рѣшительно нельзя было держаться противъ многочисленнаго непріятеля, обладавшаго артиллеріею. Въдѣ все равно: отступая къ Хунзаху, онъ покинулъ же свои сообщенія съ Темиръ - Ханъ - Шурою, откуда ему нельзя было ждать помощи; помощь могла прибыть только со стороны Гоцатля (отъ князя Аргутинскаго) и по этому Кругену долженъ былъ занять это селеніе гораздо сильнѣе, или лучше всего и его очистить. Въ случаѣ же прибытія туда князя Аргутинскаго, генералъ Кругену могъ выдти къ нему на встрѣчу со всѣмъ отрядомъ.

Затѣмъ, по очищеніи сказанныхъ укрѣпленій, онъ могъ бы собрать до 4 баталіоновъ, съ которыми, ставъ на Арактау лагеремъ, имѣлъ бы возможность всюду поспѣвать. При этомъ, отнюдь не слѣдовало полагаться на просьбы Аварцевъ и раздроблять свои войска; въ такихъ обстоятельствахъ надо было удерживать гарнизонъ въ одномъ только Хунзахѣ, а прочимъ селеніямъ аварскимъ помогать по мѣрѣ возможности, движеніемъ отряда, который бы въ этомъ случаѣ игралъ роль подвиж-

ной колонны, обыкновенно располагаемой позади передовыхъ линій.

Быть можетъ и не удалось бы защитить Аварію, но во всякомъ случаѣ наши войска были бы сохранены до болѣе благопріятнаго времени.

Когда было брошено сообщеніе съ Балаканскимъ ущельемъ, за чѣмъ оставались гарнизоны въ Ирганаѣ, Зырянахъ и тѣмъ болѣе въ Гимрахъ? Хорошо, что Шамиль, занятый другими цѣлями, а именно переселеніемъ Аварцевъ, не бросился на правый берегъ Аварской Койсу; тогда бы роты наши въ Зырянахъ, Ирганаѣ и Гимрахъ также сдѣлались бы его жертвами и притомъ совершенно напрасно.

Командующему войсками было хорошо извѣстно, что укрѣпленія наши по ничтожности своей не прикрывали страны и вовсе не обезпечивали обладаніе ею. Они служили намъ этапами при сообщеніяхъ; но когда сообщеніе прекратилось, какую роль они могли играть? Если снимая изъ укрѣпленія гарнизоны, опасались тѣмъ утратить нравственное вліяніе на жителей; развѣ оно менѣе было потеряно, когда эти гарнизоны сдѣлались жертвою непріятели. Если для Шамиля это время было самое удобное для дѣйствій, то для генерала Клугенау оно было не менѣе удобно, чтобъ измѣнить прежнюю систему обороны, пагубную по своей раздробленности и о невыгодахъ которой онъ такъ много писалъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1843 года, обстоятельства заставили насъ ограничиться только занятіемъ Хунзаха и нѣкоторыхъ пунктовъ на его прямомъ сообщеніи съ Темиръ-Ханъ-Шурою. Правда, черезъ это мы совершенно открывали Койсубулинское общество; но оно могло быть занято достаточно сильными гарнизонами и въ слѣдующемъ году, когда прибытіе значительнаго числа войскъ въ Дагестанъ изъ Россіи и съ Кавказской линіи позволяло это сдѣлать. До тѣхъ поръ надо было всѣ силы употребить на удержаніе Хунзаха и этой важной цѣли пожертвовать всѣми другими второстепенными, какъ напримѣръ прикрытіе нѣкоторыхъ пунктовъ.

Генералъ Фезе, въ началѣ 1842 года, открылъ компанію съ пятью баталіонами и при обстоятельствахъ нисколько не лучшихъ. Но мы видѣли, какъ рѣшительно и искусно онъ повелъ свои дѣла. При наступленіи лѣта этого года, онъ намѣревался перевести штабъ и резервы изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ лагерь

на Арактау: это, по его мнѣнію, было лучшимъ средствомъ держать непріятеля въ страхѣ,—и вполне справедливо. Но къ сожалѣнію, онъ былъ отозванъ изъ Дагестана, и Шалиль, отзывъ котораго есть самая лучшая рекомендація, узнавъ объ отъѣздѣ Фезе, сдѣлалъ нѣсколько лишнихъ намазовъ: такъ онъ былъ радъ этому.

Повторимъ здѣсь еще разъ, что, при характерѣ горной войны, не всегда количество войскъ, сколько порядокъ, рѣшительность и быстрота одерживаютъ успѣхи. Излишне-сильные отряды скорѣе дѣлаются обузою для генерала, потому что сами въ себѣ заключаютъ всѣ зародыши безпорядковъ. Итакъ, прежде всего въ горахъ, какъ и вездѣ, надо заботиться о совокупности войскъ, а потомъ искать случая встрѣтиться съ непріателемъ. Одинъ хорошій ударъ всегда ведетъ къ рѣшительнымъ результатамъ, потому что свойства непріятеля таковы, что онъ послѣ пораженія *не отступаетъ*, какъ это бываетъ съ регулярными войсками, а *расходится*. Всѣ дѣла наши съ горцами прежде и послѣ 1843 года подтверждаютъ эту мысль.

Такъ въ 1842 году, князь Аргутинскій, разбивъ Шамиля подъ Кюлюли, освободилъ и успокоилъ все Казикумухское ханство. Пораженіе княземъ Бебутовымъ скопищъ Шамиля въ октябрѣ 1846 года, при селеніи Кутишахъ, спасло весь Даргинскій округъ. Мискинджинская побѣда князя Аргутинскаго въ 1848 году не только освободила и спасла Ахты, но и весь Самурскій округъ. Въ іюлѣ 1851 года, генералъ Грамотинъ, разбивъ скопище Шамиля на Турчидагѣ, въ то время, когда большая часть нашихъ силъ была отвлечена Хаджи — Муратомъ въ Табасарань, спасъ цѣлый край. Не было примѣра, чтобы непріятель выдерживалъ болѣе одного удара.

Въ сентябрѣ 1843 года генералу Кругену надо было сосредоточить войска, а не держаться укрѣпленій; паденіе Унцукула показало ему, что они не могли стоять противъ Шамиля. Но генералъ Кругену, желая спасти весь край, потерялъ и край и войска и едва не погибъ самъ въ Хунзахѣ.

Иногда, во время великихъ потрясеній, человекъ повергается въ мрачную апатію и становится въ положеніе, близкое къ безчувствію. Точно тоже было и съ Кругену, когда онъ, безъ войскъ, безъ возможности что нибудь предпринять, оставался у Хунзаха равнодушнымъ свидѣтелемъ гибели нашихъ храбрыхъ гарнизоновъ.

ВЪДОМОСТЬ

О РАСПОЛОЖЕНІИ ВОЙСКЪ ВЪ СЪВЕРНОМЪ И НАГОРНОМЪ ДАГЕСТАНЪ ПЕРЕДЪ ОТКРЫТІЕМЪ ДѢЙСТВІЙ ШАМШІЯ.

Мѣста расположенія.	Части войскъ.	Число пштыковъ.	Артиллерія.	Число орудій.	
Укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шура, штабъ-квартира Апшеронскаго пѣхотнаго полка.	<i>Апшеронскаго полка.</i>		<i>Батареинной № 2-го батареи.</i>		
	1-я гренадерская рота	144	Единороговъ $\frac{1}{4}$ пудовыхъ	2	
	1-я мушкатерская —	121	Пушекъ 6-ти фунтовыхъ	2	
	3-я — —	173	<i>Резервной № 2-го батареи.</i>		
	2-я гренадерская —	177	Пушекъ 6-ти фунтовыхъ	2	
	5-я — —	175	Единороговъ 10-ти фунт.	3	
	4-я мушкатерская —	89	Чугунныхъ пушекъ 12-ти фунтовыхъ	4	
	14-я — —	165	Чугунныхъ пушекъ 6-ти фунтовыхъ	6	
	Итого		1,044	Крѣпостныхъ ружей	18
	Изъ нихъ три роты были необходимы для содержанія карауловъ; остальные четыре были на работахъ, по устройству штабъ-квартиры.				
Укрѣпленіе Евгеніевское.	<i>Грузинскаго линейнаго № 13-го баталіона.</i>		<i>Резервной № 2-го батареи.</i>		
	1-я линейная рота	207	Единороговъ $\frac{1}{4}$ пудовыхъ	2	
	3-я линейная и команда отъ прочихъ ротъ этого баталіона	216	Мортирь 6-ти фунтовыхъ Орудій гарнизонной артиллеріи, пушекъ, единороговъ и мортирь мѣдныхъ и чугунныхъ	17	
Итого		423			
Въ Зубатовскихъ башняхъ.	Отъ гарнизона Евгеніевскаго укрѣпленія нижнихъ чина		<i>Резервной № 2-го батареи.</i>		
		32	Горный 3-хъ фунтовый единорогъ	1	
			Крѣпостныхъ ружей	4	
Въ Чиркеевскомъ замкѣ (башняхъ).	Команда отъ гарнизона Евгеніевскаго укрѣпленія				
		35			
Міатлинскій блокгаузъ.	10-я мушкатерская рота Апшеронскаго полка		<i>Гарнизонной артиллеріи.</i>		
	Изъ гарнизона Евгеніевскаго укрѣпленія		Единорогъ $\frac{1}{4}$ пудовый		
		80	Пушка 6-ти фунтовая	1	
			Мортира 6-ти —	1	
Итого		206			

Мѣста рас- положенія.	Части войскъ.	Число шты- ковъ.	Артиллерія.	Число ору- дій.
Селеніе Султанъ-Ян- гіуртъ.	Назначалось подъ штабъ- квартиру Грузинскаго линейнаго № 12-го ба- таліона; тамъ была расположена этого же баталіона линейная ро- та	103	<i>Резервной № 2-го батареи.</i> Единорогъ $\frac{1}{4}$ пудовый .	1
Укрѣпле- ніе Казіур- товское.	<i>Грузинскаго линейнаго № 12-го баталіона.</i> 2-я линейная рота 3-я — —	104 97	Чугунныхъ орудій.	9
П о с т ь Озенскій.	Сборная команда отъ Ап- шеронскаго полка	71	Чугунная пушка	1
Укрѣпле- ніе Низовое.	<i>Грузинскаго линейнаго № 12-го баталіона.</i> 4-я линейная рота	107	Мѣдная 12-ти фунтовая пушка Чугунныхъ 12-ти фунто- выхъ пушекъ Изъ нихъ 4 безъ ла- фетовъ.	1 7
Въ Агачъ- кале.	Для заготовленія лѣсныхъ матеріаловъ, 2-я муш- катерская рота Апше- ронскаго полка	83		
Урочище Гаркасъ.	Назначалось подъ штабъ- квартиру Грузинскаго линейнаго № 14-го ба- таліона; тамъ была рас- положена 4-я линейная рота этого баталіона съ командою отъ другихъ ротъ	252		
Упразд- ненная крѣп. Бурная.	Близъ нее былъ располо- женъ лагерь 1-й ба- таліонъ Кабардинскаго полка, занимавшійся ломкою камня	512		

Въ Койсубулинскомъ обществѣ.

	<i>Мингрельскаго полка.</i>		<i>Резервной № 2-го батареи.</i>	
Въ Гим- рахъ.	9-я егерская рота	150	Единорогъ $\frac{1}{4}$ пудовый . . . Крѣпостное ружье	1 1
Укрѣпле- ніе Унцу- кульское.	7-я — —	140	<i>Гарнизонной артиллеріи.</i> Единорогъ $\frac{1}{4}$ пудовый . . . Пушка 6-ти фунт. мѣдная . . Мортира 6-ти фунтовая . . .	1 1 1

Мѣста расположенія.	Части войскъ.	Число штукъ.	Артиллерія.	Число орудій.
Въ Харачинскомъ гѣсу.	Для заготовленія дровъ войскамъ, расположеннымъ въ Аваріи:			
	<i>Апшеронскаго полка.</i>			
	3-я гренадерская рота .	130		
	4-я — — .	100		
Въ селеніи ИрганаѢ.	Для исправленія моста на Койсу:			
	<i>Апшеронскаго полка.</i>			
	6-я мушкатерская рота	105		
	<i>Мингрельскаго полка.</i>			
	8-я егерская рота . . .	141		
Моксохская башня.	Изъ Цатанихскаго гарнизона нижнихъ чиновъ	27	<i>Резервной № 2-го батареи.</i> Единорогъ $\frac{1}{4}$ пудовый .	1
Укрѣпленіе Балаканское.	5-я мушкатерская рота Команда кавказскаго сапернаго баталіона . .	123	<i>Резервной № 2-го батареи.</i> Пушка 6-ти фунтовая	1
		26	Мортирка 6-ти —	1
Укрѣпленіе Зырянское.	<i>Апшеронскаго полка.</i> 13-я мушкатерская рота	120	Чугунныхъ орудій . .	4
Укрѣпленіе Гергембильское.	<i>Тифлискаго полка.</i> 3-я карабинерная рота 7-я егерская —	158	<i>Резервной № 2-го батареи.</i> Пушка 6-ти фунтовая .	1
		148	Мортиръ 10-ти фунт. .	2
			<i>Гарнизонной артиллеріи.</i> Единорогъ $\frac{1}{4}$ пудовый .	1
			— 3-хъ фунтов.	1

В ъ А в а р і и .

Хунзахская цитадель.	<i>Грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона.</i> 1-я линейная рота . . . 2-я — — . . . 3-я — — . . .	90	<i>Резервной № 2-го батареи.</i> Пушекъ 6-ти фунтовыхъ	2
		80	Гарнизонной артиллеріи орудій	7
		51		
Гочатлинское укрѣпленіе.	<i>Тифлискаго полка.</i> 8-я егерская рота . . .	147	Единорогъ $\frac{1}{4}$ пудовый чугунный	

Мѣста рас- положенія.	Части войскъ.	Число шты- ковъ.	Артиллеріи.	Число ору- дій.
Цатаних- ское укрѣп- леніе.	<i>Грузинскаго линейнаго №</i>		<i>Резервной № 2-го батареи.</i>	
	<i>13-го баталіона.</i>		Единорогъ $\frac{1}{4}$ пудовый . . .	1
	2-я линейная рота . . .	94	Пушка 6-ти фунтовая . . .	1
	4-я — — . . .	112	Горныхъ 10-ти фунто- выхъ единороговъ . . .	2
	<i>Мингрельскаго полка.</i>			
	3-я карабинерная рота	104		
А х а лъ- чинское ук- рѣпленіе.	<i>Тифлискаго полка.</i>		<i>Гарнизонной артиллеріи.</i>	
	9 егерская рота . . .	160	Горный 10-ти фунтовый единорогъ	1
			Пушка 6-ти фунтовая . . .	1

Постоянный резервъ Аварской долины состоялъ изъ 3-хъ ротъ Апшеронскаго полка при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, которыя были расположены: 9 мушкатерская (113) въ селеніи Хунзахъ, 8 мушкатерская (138) въ селеніи Ободъ, 7 мушкатерская (118) въ селеніи Гозолоколо.

На разработкѣ новой дороги между Темиръ-Ханъ-Шурою и Бурундукъ-кале находились Апшеронскаго полка: 11 мушкатерская (89), 12 мушкатерская (104), и 15 мушкатерская (83) и 83 человекъ саперъ.

Для конвоированія почтъ и проѣзжихъ были расположены на постахъ отъ Буйнака до Казіюрта 6-я сотня Донскаго № 49 полка, а 1 и 7 сотни Уральскаго козачьяго № 7 полка находились на Сулакской линіи, для охраненія открывшихся бродовъ.